

НОТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Дорошенко

Но ты

«Автор»

2026

Дорошенко Д.

Но ты / Д. Дорошенко — «Автор», 2026

Каково это — оказаться запертой в одном пространстве с человеком, которого ты презираешь, но от которого теперь зависит твоё будущее? Кайден Грэм — наглый, высокомерный и невыносимый. Он привык прятать свои настоящие мысли за маской безразличия и едкого сарказма. Амалия Беркут — упрямая и независимая, и меньше всего на свете она нуждается в его услугах. Их сожительство должно было стать кошмаром, сделкой, основанной на взаимной выгоде и обязательствах перед его семьей. Но когда старые секреты Брайт-Мора всплывают наружу, а привычный мир Амалии окончательно рушится, именно этот циничный ублюдок оказывается единственным, кто готов удержать ее над пропастью.

© Дорошенко Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дарья Дорошенко

Но ты

Глава 1

«Люди похожи на планеты, — Мы вращаемся на своих орбитах, иногда проходим совсем близко, но никогда не сталкиваемся по-настоящему. Мы боимся гравитации, потому что она может нас разрушить».

Дарья Д.

Бостон в октябре — это город сотен спешащих людей и тысяч нерассказанных историй. Я сидела за узким барным столом в «Starbucks» на углу Комм-авеню, до боли сжимая ладонями бумажный стаканчик. Самый дешевый черный кофе. Горький, почти остывший, он был моим единственным «входным билетом», позволяющим легально занимать это место еще хотя бы полчаса и не возвращаться под дождь.

За окном моросило — серая, бесконечная взвесь, которая пропитывала город насквозь. Я смотрела на улицу сквозь капли, стекающие по стеклу, и придумывала жизни людям, которых никогда не узнаю.

Вот пара под огромным зонтом. Он что-то шепчет ей на ухо, она смеется. Наверное, они выбирают мебель в свою первую квартиру. Или спорят, какое вино купить к ужину. У них есть «ужин». У них есть кто-то, кто ждет конца дня, чтобы просто коснуться плеча. У меня же — только ноющая боль в ногах после смены и вечный расчет в уме, сколько центов осталось до стипендии.

А вот пожилой мужчина в строгом пальто. Он одинок так же, как и я, но его одиночество пахнет благородной старостью. Мое же — страхом, и что завтра будет хуже.

Я достала из рюкзака потрепанный блокнот. Пальцы слегка дрожали. На последней странице у меня был расписан каждый цент до конца месяца — буквально выживание на минималках. И там зияла дыра. Мать снова залезла в мою записку и выгребла всё дочиста.

В этот раз ей понадобилось новое платье. Очередная шелковая тряпка, чтобы впечатлить очередного подонка. Когда я попыталась возмутиться, она лишь отмахнулась своим коронным: «Амалия, ну ты же сама хочешь нам лучшей жизни? Встречают по одежке!».

Лучшей жизни? Да я просто хотела, чтобы от меня отстали. Чтобы дома была мать, а не вечно ищущая приключений баба. Хотела, чтобы она хоть раз приготовила ужин и спросила, как у меня дела в универе, вместо того чтобы клянчить деньги. Я бы даже не удивилась, если бы спросила её про свой день рождения, а она бы просто зависла, потому что не помнит дату.

Я приехала в Штаты из России, когда мне было семь. Мать тогда несла чушь про «новый старт» и «страну возможностей», но реальность оказалась проще: мы просто сменили одну обшарпанную квартиру на другую, только теперь за нее нужно было платить в долларах. Своего отца я не знала. В моем свидетельстве о рождении в этой графе стоял прочерк — серое пятно, такое же пустое, как и рассказы матери о «великой любви». Я быстро поняла: ей плевать. Она живет сегодняшним днем, а точнее — сегодняшним мужчиной.

Мать не работает уже лет пять. Она всё «ищет себя», а по факту — ищет того, кто оплатит счета за свет и её новую помаду, помимо тех денег, что вытягивает из меня. Все финансовые дыры закрываю я. Моя неделя — это грёбаный марафон на выживание. По понедельникам и вторникам я сортирую книги в университетской библиотеке. По средам и пятницам — подра-

бываю в актовом зале университета: таскаю реквизит, слежу за чистотой сцены и делаю всю черную работу для театрального кружка. А в субботу и воскресенье, когда нормальные люди отсыпаются, я зарываюсь в переводы юридических текстов онлайн.

Для матери я — удобный предмет интереса. Она знает, что я есть, что я принесу еду и не создам проблем. На этом её интерес заканчивается. Она понятия не имеет, на каком я курсе и почему у меня вечные синяки под глазами от недосыпа.

В элитный «Брайт-Мур» я попала чудом — выгрызла полную стипендию. Для местных мажоров я была призраком. Девочка-невидимка из угла, которая никогда не ходит на вечеринки. У меня просто нет лишних десяти долларов на пиво, а смотреть, как они сорят деньгами родителей, выше моих сил.

Телефон на столе коротко завибрировал. Сообщение от матери.

Мама: «Ами, погуляй еще пару часов. Ко мне зашел Марк, не хочу, чтобы ты его смушала своим присутствием. Купи себе пончик, я оставила пять долларов на тумбочке в коридоре. Чмок!»

Пять долларов. Цена моего отсутствия в единственном месте, которое я привыкла считать домом. «Чмок».

Я встала, натянула капюшон и вышла на улицу. Октябрь в Бостоне — это холодная морось, которая пробирает до костей. Я шла по тротуару, тупо глядя под ноги, и думала о том, что завтра в университете всё начнется заново: издевательства над моим статусом, косые взгляды и всё то дерьмо, которое можно вывалить на человека из малообеспеченной семьи.

За весь первый курс я подружилась лишь с двумя людьми. Кимберли Уотсон и Хантер Коллинз. Мы с одного курса и держимся вместе просто потому, что мы все — бюджетники в этом элитном раю. Наша местная «королева» Слоун выбрала своей мишенью именно меня, но я всегда давала отпор. Да, я занимаюсь самобичеванием, но никто не посмеет оскорблять меня, кроме меня самой.

Из-за постоянных подработок я просто не успеваю уделять время себе. Я — староста, организатор, уборщица и переводчик в одном лице. Я привыкла пахать, но иногда эта усталость накатывает так, что хочется просто перестать дышать.

Я шла, стараясь держаться под козырьками зданий. Дождь не прекращался, и город постепенно превращался в сплошное серое пятно. В голове, как назло, прокручивались разные сценарии: а что, если бы я не переехала? Что, если бы я выбрала другой колледж? Что, если бы мать хоть раз спросила, как прошел мой день, вместо того чтобы выставлять меня за дверь?

В какой-то момент стало совсем тошно от собственного одиночества.

Я достала телефон и набрала подругу. Из трубки сразу ударил такой грохот, что я поморщилась.

— Ами? Ты где?! — заорала Ким, пытаясь перекрыть басы. — Мы на тусе у футболистов! Тут весь «Брайт-Мур» на ушах. Видела сейчас Грэма и его свиту — Джастина, Джека, Нейта... Выглядят так, будто сошли с обложки. Давай к нам, Хантер уже заждался.

— Я занята, Ким, — коротко ответила я, сворачивая во двор. Слушать восторженный писк подруги про парней, которые для нас — персонажи из другой галактики, не хотелось. — Дела по учебе.

— В субботу вечером? Ты маньячка. Хантер говорит, что если ты не приедешь, он сам тебя найдет. Тут реально весело, Ами!

— Передай ему, чтобы не тратил бензин. Я уже почти дома. Веселитесь.

— Опять ты за своё... — голос Ким утонул в очередном взрыве музыки.

Я сбросила вызов. Иногда мне казалось, что мы с Ким говорим на разных языках: она живет надеждой на то, что начнет встречаться с богатым мальчиком, а точнее, с кем-то из элиты, а я просто хочу, чтобы меня не трогали.

Домой я доползла к десяти вечера. Дождь снаружи окончательно сменился ледяным ветром, от которого челюсть сводило судорогой. Пальцы настолько замерзли, что я едва смогла повернуть ключ в замочной скважине. Я мечтала только об одном — залезть под обжигающие струи душа и смыть с себя этот день, но, едва переступив порог, поняла: тишины не будет. В квартире было непривычно шумно. Из колонок в гостиной доносился глухой, вибрирующий бас, от которого закладывало уши.

Я прошла на кухню, оставляя на старом линолеуме цепочку мокрых следов. За столом, развалившись на моем любимом стуле — единственном, у которого не шатались ножки — сидел мужик. На вид ему было глубоко за тридцать. Лицо одутловатое, с тяжелым взглядом человека, который привык брать то, что плохо лежит. На нем не было ничего, кроме застиранных боксеров, которые противно врезались в его рыхлое тело.

Когда я зашла, он даже не вздрогнул. Наоборот, он медленно, с какой-то издевательской неторопливостью отложил телефон, откинулся на спинку стула и уставился на меня. В его глазах сначала мелькнуло тупое недоумение — видимо, он не ожидал увидеть здесь кого-то, кроме моей матери, — но через секунду оно сменилось масляным блеском. Его взгляд, липкий и беспардонный, прошелся по моей насквозь промокшей футболке. Она прилипла к телу как вторая кожа, обрисовывая всё то, что я предпочла бы скрыть.

Я замерла, чувствуя, как внутри всё просто заледенело от омерзения.

— Ого, — выдал он, криво ухмыляясь и даже не думая прикрыться. — Мать не говорила, что у неё такая дочурка. Отличные формы, малая.

Я стояла неподвижно, пока ледяная вода с волос стекала за шиворот, но по сравнению с его взглядом этот холод казался почти приятным. Мужик продолжал скалиться, и в этом жесте было столько животной сальности, что меня едва не вывернуло.

— Чего молчишь, малая? Язык проглотила? — он прищурился, медленно облизнув губы, и его взгляд снова прожег мою насквозь промокшую футболку. — Твоей матери нравится, как я им работаю... Могу и тебе показать, если будешь паинькой.

Я почувствовала, как к горлу подступила тошнота. Гниль. В этом доме всё было пропитано гнилью.

В этот момент дверь ванной распахнулась, и оттуда в облаке пара выпорхнула мать. Она была абсолютно голой, даже не потрудилась накинуть полотенце. Влажные волосы липли к плечам, а на лице блуждала та самая блаженно-тупая улыбка, которая появлялась у неё каждый раз, когда кто-то новый оплачивал ей выпивку.

— Милый, — пропела она, не замечая меня, — ну что, идем на второй заход? Или ты уже...

Она осеклась, заметив меня в дверях. Но вместо стыда в её глазах вспыхнуло чистое раздражение. Будто я была кучей мусора, которую забыли вынести, и теперь она портит вид.

— Амалия? — она недовольно выдохнула, даже не пытаясь прикрыться. — Я же просила тебя погулять. Марк не любит, когда нам мешают.

Я не стала ничего отвечать. Не было смысла. Я даже не взглянула в её сторону — просто развернулась и пошла к своей комнате, оставляя на полу грязные мокрые следы.

Я зашла внутрь и с такой силой рванула на себя дверь, что по всей квартире раздался оглушительный хлопок. Сразу же шелкнул замок. Я прислонилась спиной к обшарпанному дереву и закрыла глаза, пытаясь заглушить грохот собственного сердца. За стеной снова возобновились басы, перекрывая их приглушенный смех, но для меня в этот момент мир просто перестал существовать. Я обязательно должна отсюда свалить.

От автора: Уважаемые читатели! Это первая глава моей новой истории, и мне безумно важен ваш фидбэк на самом старте. Как вам завязка? Стоит ли продолжать писать эту книгу дальше? Буду очень рада, если вы поделитесь своими первыми впечатлениями в комментариях — для меня сейчас важен каждый ваш голос и каждый лайк! Спасибо, что читаете! #

Глава 2

«Некоторые люди входят в нашу жизнь с мягким стуком в дверь. Другие — влетают в неё на бешеной скорости, сокрушая всё на своем пути».

Утро началось не с будильника. Оно началось с липкого, выворачивающего ощущения пустоты в желудке и свинцовой, давящей тяжести в веках. Едва я открыла глаза, как горло обожгло острой, царапающей болью — вчерашняя вынужденная прогулка под ледяным, пронизывающим дождем не прошла даром. Я попыталась сглотнуть, но внутри будто застряло крошево из битого стекла.

За стеной наконец-то заткнулись, но внезапно наступившая тишина в квартире давила на уши еще противнее вчерашнего грохочущего баса. Эта тишина имела свой стойкий, удушливый запах: она пахла перегаром, дешевыми сигаретами и тем самым приторным, химическим освежителем, которым мать безуспешно пыталась скрыть следы очередного ночного притона.

Превозмогая слабость, я заставила себя встать и поплелась в ванную. Глаза я держала опущенными, стараясь даже не смотреть в сторону материнской спальни, откуда доносился тяжелый, надрывный храп Марка. В душе я крутанула кран до упора, пока кожа не начала гореть и покрываться пятнами под почти кипящими струями. Я яростно терла плечи жесткой мочалкой до пугающей красноты — так сильно, словно физически пыталась содрать с себя вчерашний сальный, липкий взгляд этого мужика. Но горячая вода не помогала. Я всё равно чувствовала себя паршиво, будто вся эта грязь въелась глубоко под кожу, в саму кровь.

Вытерев запотевшее зеркало ладонью, я уставилась на свое отражение. На меня смотрела помятая, измученная девчонка с мертвенно-бледной кожей и такими глубокими, темными кругами под глазами, что казалось, будто меня кто-то жестоко избил. Мои зеленые глаза цвета густой, непроглядной лесной чащи сейчас лихорадочно блестели слишком ярко из-за подступающего жара. Чуть курносый нос наглухо заложило, дышать приходилось ртом, с трудом проталкивая воздух в легкие. Губы с четким, красивым изгибом казались ярче обычного — сухие, обветренные и искусанные мной до крови.

Я резко дернула заколку и распустила шоколадные волосы. Тяжелые и шелковистые, они мокрым, прохладным каскадом рассыпались до самой талии, отливая на свету глубоким теплым каштаном. Несмотря на болезнь и вечный, непрекращающийся голод, тело оставалось удивительно подтянутым и спортивным. В этом тусклом свете я выглядела как хрупкая, дорогая фарфоровая статуэтка. Ну, по крайней мере, мне отчаянно хотелось так казаться. Но объективно я понимала, что больше смахиваю на восставшее умертвие.

— Соберись, Беркут, — хрипло, едва слышно прошептала я своему отражению, с трудом узнавая собственный сиплый голос. — Еще один день в аду. Ничего нового.

Я вернулась в свою комнату и достала форму. В «Брайт-Мур» дресс-код был таким же пафосным и недостижимым, как и счета за обучение. Темно-синий, идеально приталенный пиджак с тяжелой золотой эмблемой университета на груди, белоснежная рубашка с жестким, впивающимся в горло воротничком и юбка в клетку. На моих бедрах она сидела безупречно, выгодно подчеркивая стройные ноги, хотя из-за постоянного недоедания сейчас висела чуть свободнее, чем следовало. К этому комплекту прилагались плотные гольфы и тяжелые, начищенные лоферы.

В этой одежде я выглядела как кукла из элитного магазина, которую по чьей-то злой ошибке закинули в грязные городские трущобы. Форма должна была уравнивать нас всех, стирать социальные грани, но на деле она только сильнее подчеркивала пропасть. На элитных девчонках эти шмотки сидели как влитые, дополненные сумками от Prada и дорогими украшениями, а на мне они казались фальшивой маскировкой, за которой я пыталась спрятать свою кричащую нищету.

Застегивая пуговицы рубашки мелко дрожащими от холода пальцами, я окончательно поняла, что у меня нет времени на завтрак. Да и, если быть честной, никакого завтрака в этом пустом доме попросту не было.

Дорога до университета заняла почти час невыносимой тряски. Наконец «Брайт-Мур» медленно выплыл из утреннего тумана, угрожающе ошетилившись своими острыми готическими шпильями.

Внутри всё сжималось от предчувствия неизбежного столкновения с миром, к которому я не принадлежала. Величественные каменные стены, обвитые увядающим плющом, и массивные дубовые двери университета казались воротами в другую реальность. Реальность, где люди не знали, каково это — засыпать под крики за стеной и просыпаться от холода.

Я тяжело вздохнула, и этот вздох тут же отозвался новой вспышкой боли в воспалённом горле. Ноги в тяжелых лоферах казались налитыми свинцом, но я заставила себя сделать шаг вперёд, сливаясь с толпой студентов. Мимо меня пронеслись смех, обрывки фраз о прошедших выходных и ароматы дорогого парфюма, который напрочь перебивал запах дождя и сырости.

Девчонки из параллельных групп порхали по гранитной лестнице, придерживая полы точно таких же синих пиджаков, как у меня. Но на них форма смотрелась иначе — легко, небрежно, как и положено одежде, купленной без ущерба для семейного бюджета. Они поправляли безупречные укладки, звенели золотыми браслетами и увлеченно обсуждали предстоящую вечеринку на чьей-то вилле. Я опустила голову, позволяя тяжелым шоколадным прядям упасть на лицо, чтобы спрятать лихорадочно блестящие глаза и мертвенную бледность.

В холле университета было шумно и тепло. От этого тепла меня мгновенно бросило в дрожь — жар внутри разгорался с новой силой. Голова закружилась, и мне пришлось на секунду опереться о холодную мраморную колонну, чтобы не потерять равновесие. Мимо прошел староста курса, едва удостоив меня высокомерным взглядом. Для них всех я была невидимкой, странной нелюдимой девчонкой, которая никогда не ходила в кафе после пар и исчезала сразу после финального звонка. И это было мне на руку. Меньше вопросов — меньше шансов, что кто-то узнает, из какого болота я выползаю каждое утро.

Я направилась к расписанию, чувствуя, как ткань рубашки неприятно липнет к спине из-за подступающего пота. В горле пересохло так, словно я наглоталась песка. В кармане пиджака не было ни копейки даже на бутылку самой дешёвой воды в автомате, не говоря уже о полноценном обеде. Придётся терпеть до вечера. Или до тех пор, пока организм просто не отключится.

— Эй,! Поберегись! — раздался сзади надменный мужской голос.

Я едва успела отступить в сторону, как мимо, едва не задев меня плечом, прошла компания парней из местной хоккейной сборной во главе с их неформальным лидером Кайдемом Гремом. От них пахло дорогой кожей, чистотой и непомерным эгоцентризмом. Один из них мазнул по мне оценивающим взглядом, задерживаясь на изгибе бедер, обтянутых клетчатой юбкой, и ухмыльнулся. Внутри всё перевернулось от отвращения. Эта ухмылка слишком сильно напомнила мне сальный взгляд Марка, от которого я так отчаянно пыталась отмыться в утреннем душе.

Сжав кулаки так, что ногти вонзились в ладони, я глубоко вдохнула через заложенный нос. Сдаваться сейчас, на самом пороге, было нельзя. Я слишком дорого платила за каждый день пребывания здесь — платила гордостью, нервами и остатками здоровья.

Звонок на первую лекцию оглушительно зазвенел под высокими сводами потолка. Поток студентов хлынул по аудиториям, увлекая меня за собой

. Я поправила воротничок рубашки, расправила плечи и зашагала вверх по лестнице, готовая сыграть свою роль идеальной куклы из «Брайт-Мур» еще один бесконечный день. Огромная аудитория «Брайт-Мур» была залита слишком ярким, режущим светом, который безжалостно бил по воспалённым глазам. Голова раскалывалась, в висках стучало так интенсивно, будто там без остановки забивали тяжёлые сваи. Но хуже всего был голод — желудок мучительно сводило от звенящей пустоты, и в этот момент я готова была отдать всё золото мира за один-единственный, самый несчастный сэндвич.

Вдруг рядом на скамью приземлились Кимберли Уотсон и Хантер Коллинз. От Ким за версту несло дешёвой мятной жвачкой, которой она агрессивно, но безуспешно пыталась замаскировать запах вчерашней выпивки. Так как после звонка профессор все еще не появился, то студенты все дружно разговаривали

— Ами, ты просто обязана была это видеть! — возбуждённо зашептала она мне на ухо, едва профессор отвернулся к доске. — На тусовке творился просто ад. Грэм весь вечер пытался отлепить от себя бывшую. Она то и дело лезла к нему на колени и буквально отгоняла любую девчонку, которая приближалась к нему ближе чем на метр.

— Ким, ради бога, потише, — глухо прохрипела я, даже не поднимая головы от тетради, чтобы не выдать своего состояния. — У меня череп сейчас треснет от твоего голоса.

— Ты просто злюка, потому что сама не пошла, — бесцеремонно влез Хантер, наклоняясь ко мне почти вплотную. — Кайден сидел в углу с таким видом, будто планировал как минимум массовое убийство. Всё пространство вокруг него буквально искрило от напряжения.

— Очень интересно, — я резко повернула к нему голову, и мои изумрудные глаза опасно, лихорадочно блеснули из-под упавшей на лицо тяжелой шоколадной пряди. — У Кайдена Грэма плохое настроение? Какая мировая трагедия. А я почти не спала всю ночь и ничего не ела с позавчерашнего обеда. Так что будьте добры, избавьте меня от грязных подробностей жизни этих зажавшихся уродов. Мне на них глубоко плевать.

Хантер тут же посерьезнел. Его веселый тон мгновенно испарился, стоило ему заметить, как сильно дрожат мои пальцы, судорожно сжимающие ручку. На его лице отразилось искреннее сочувствие — то самое чувство, которое я ненавидела больше всего на свете, потому что оно жгло мою гордость сильнее любого оскорбления.

— Ами, ты совсем бледная, — тихо произнес он, внимательно глядя в мое лицо. — Может, всё-таки пойдем в столовую? Я куплю тебе что-нибудь...

— Не надо, — отрезала я, с силой утыкаясь в конспект. — Давайте просто досидим эту пару.

Я замерла, уставившись в одну точку на исцарапанной парте. Тошнота подступала к самому горлу, а перед глазамиплыли липкие серые пятна. До звонка оставалась минута, аудитория гудела, но нашего старого профессора по микроэкономике нигде не было видно. Внезапно сверху, с верхних рядов амфитеатра, раздался брезгливый, нарочито шумный вдох.

— Фу, блин! Вы чувствуете? — голос Ханны Коул прозвучал на всю притихшую аудиторию. Я даже спиной ощутила, как судорожно она кривится. — Какой ужасный запах... Это же от нашей Беркут несет. Амалия, у вас на помойке воду за неуплату отключили?

Стефани, её верная, безмозглая тень, тут же противно заржала на весь класс:

— Да мамочка её, походу, была слишком занята очередными мужиками, чтобы следить за дочерью. Хотя я вообще не удивлюсь, если она уже сама всю подрабатывает на коленях у профессоров за зачеты. Яблоко от яблони, как говорится.

В этот момент Джастин, лениво развалившийся на стуле где-то посередине аудитории, подал голос. Он даже не соизволил повернуться в их сторону, просто бросил через плечо с полным равнодушием:

— Коул, завали. Ты так отчаянно пытаешься найти хоть какой-то повод её задеть, что это выглядит откровенно жалко. Реально надоела уже своим ультразвуковым визгом.

Ханна захлебнулась собственным смешком, багровея от злости, но ответить Джастину не успела. Звонок оглушительно зазвенел, и в ту же секунду тяжелая дубовая дверь аудитории резко распахнулась.

Вместо привычного пожилого преподавателя на пороге появился незнакомый мужчина.

Он выглядел слишком молодо для профессора «Брайт-Мура» — на вид ему было около тридцати пяти. Высокий, подтянутый, в идеально скроенном темно-сером костюме-тройке, который сидел на нем как влитой. Из-под рукавов пиджака виднелись белоснежные манжеты рубашки, застегнутые на дорогие запонки, а на запястьях тускло блеснули массивные часы. В его движениях сквозила уверенная, почти хищная грация. Лицо незнакомца казалось безупречным, с резкими, аристократичными чертами, но его взгляд — холодный, сканирующий и проницательный — заставил студентов мгновенно оцепенеть. Он не просто смотрел на класс, он препарировал каждого в этой комнате.

Мужчина прошел к кафедре, бросил на стол кожаную папку и облокотился на деревянную панель.

— Прекрасная дискуссия для храма науки, — его голос оказался глубоким, бархатным баритоном, от которого у меня по спине, несмотря на лихорадочный жар, пробежали ледяные мурашки. Оказывается, он слышал всё, что здесь происходило. — Профессор Уайт больше не работает в этом университете. Меня зовут мистер Вэнс. И с сегодняшней секунды правила игры на этой кафедре меняются.

Он медленно обвел взглядом затихший амфитеатр. Его глаза поднимались по рядам все выше и выше, мимо растерянной Ханны, мимо равнодушного Джастина, пока не остановились точно на мне.

Я сжала пальцами край парты, пытаюсь удержать ускользающую реальность. Мне показалось, что этот человек видит меня насквозь: мою бледность, искусанные губы и то, как тяжело я дышу. В его глазах на мгновение мелькнул странный, жадный интерес. Так охотник смотрит на раненую птицу, которая сама забрела в его силки.

— Для начала мне понадобятся ведомости, — тихо, но отчетливо произнес мистер Вэнс, не отрывая от меня тяжелого взгляда. — Кто здесь староста потока?

Я замерла. Голоса в аудитории окончательно стихли, и теперь эта гробовая тишина буквально давила на барабанные перепонки. Мистер Вэнс продолжал смотреть прямо на меня, и под его тяжелым, изучающим взглядом мне стало еще холоднее, хотя лоб уже горел от подступающей лихорадки.

— Ами, вставай, он на тебя смотрит, — испуганно зашептала Ким, ощутимо пихнув меня локтем в бок.

Каждое движение давалось с трудом. Сжав пальцами край парты, я заставила себя подняться со скамьи. Ноги на секунду показались ватными, но я выпрямила спину, упрямо вскинув подбородок.

— Я староста, сэр, — мой голос прозвучал на удивление твердо, хоть горло и обожгло очередной вспышкой царапающей боли. — Амалия Беркут.

Мистер Вэнс слегка наклонил голову набок. На его безупречном лице не отразилось ни единой эмоции, но в глубине темных глаз промелькнуло что-то похожее на удовлетворение. Он медленно скользнул взглядом по моим растрепанным шоколадным волосам, бледным щекам и остановился на искусанных губах. Это не был сальный взгляд Марка, нет. Это был холодный, расчетливый интерес хищника, который оценивает силу своей добычи.

— Мисс Беркут, — повторил он, и мое имя в его исполнении прозвучало как-то по-особенному весомо, почти интимно. — Рад знакомству. После пары жду вас у себя в кабинете с журналами посещаемости и ведомостями за прошлый месяц. Нам нужно обсудить новый план работы.

Сзади снова послышался едва слышный, завистливый выдох Ханны Коул, но мистер Вэнс даже не повернулся. Он раскрыл свою кожаную папку и взял в руки маркер.

— А теперь запишите тему лекции, — сухо скомандовал он, повернувшись к доске.

Я со стуком опустилась обратно на скамью. Сердце бешено колотилось в груди. Мысль о том, что после пары мне придется идти к этому пугающему человеку в кабинет один на один, заставила внутренности сжаться от нехорошего предчувствия.

Всю оставшуюся пару я провела как в тумане. Микроэкономика, которую мистер Вэнс читал своим глубоким, ровным голосом, пролетала мимо сознания. Едва прозвенел звонок, аудитория взорвалась шумом собирающихся студентов. Хантер и Ким пошли к выходу, пообещав подождать меня в коридоре, а я медленно складывала тетради в рюкзак, собирая силы для похода к новому преподавателю.

У самой лестницы я столкнулась нос к носу с Ханной. Она стояла в окружении своих подружек и, заметив меня, картинно надула губы, собираясь выдать очередную гадость.

Но терпение у меня закончилось еще дома.

Я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию, и мертвой хваткой вцепилась пальцами в её запястье. Ханна дернулась, но я сжала сильнее.

— Послушай меня очень внимательно, Ханна, — мой голос был тихим, почти шепотом, но в этой тишине отчетливо звенел тяжелый металл. — Если ты наивно думаешь, что раз я обычно молчу, то я всё проглочу — ты крупно ошибаешься. В один прекрасный момент я просто вырву твои ебаные нарощенные патлы вместе с корнями. Ты меня поняла?

Ханна медленно выпрямилась, побелевшими пальцами вцепившись в край ближайшего стола. Её идеальный загар мгновенно поблек.

— Да что ты говоришь? — выдавила она, пытаясь вернуть лицу высокомерное выражение. — Серьезно думаешь, что ты мне что-то сделаешь? У тебя смелости не хватит, нищенка.

— Все мое время, — я не ответила взаимностью на её попытку вырваться и не отвела взгляд ни на секунду, буквально выжигая остатки её уверенности. — А рот свой поганый открывай, только когда сосешь. Потому что ничего лучше твой рот делать всё равно не может.

Я резко оттолкнула её руку. Ханна осталась стоять, тяжело дыша и растерянно хлопая наращенными ресницами, а я, не оборачиваясь, направилась к выходу и пошла по длинному коридору к кафедре.

Кабинет мистера Вэнса встретил меня идеальным порядком и тонким ароматом дорогого кофе. Сам он сидел за массивным дубовым столом, просматривая бумаги. Стоило мне постучать и войти, как он поднял голову и мягко улыбнулся. Эта улыбка располагала к себе, полностью стирая то хищное, давящее впечатление, которое он произвел на паре.

— А, мисс Беркут, проходите, — вежливо произнес он, указывая на кожаное кресло напротив. — Присаживайтесь. Не нужно стоять, у нас много работы.

Я на неслушающихся ногах подошла к столу и положила перед ним тяжелые папки с отчетами. Голова кружилась, но я изо всех сил держала спину ровно.

— Здесь ведомости за прошлый месяц, сэр, и списки посещаемости, — мой голос все еще сипел, но я старалась говорить четко. — Также здесь планы по внеучебной деятельности потока.

Мистер Вэнс раскрыл первую папку, его длинные ухоженные пальцы быстро перелистали страницы. Он читал невероятно внимательно, подмечая каждую деталь.

— Хорошо, Амалия, — произнес он, не поднимая глаз от бумаг. — Я вижу, что посещаемость на лекциях профессора Уайта стремительно падала к концу семестра. Но меня больше

интересует другое. Скоро намечается благотворительный осенний вечер университета и театральная постановка. В документах указано, что организация черной работы и подготовка сцены лежат на вас. Кто еще из вашей группы задействован в организации мероприятий?

— Официально — никто, сэр, — я тихо сглотнула, чувствуя, как песок в горле мешает говорить. — Наш поток неохотно вызывается на волонтерские работы. Большинство студентов предпочитают просто сдавать взносы. Бюджетники помогают с бумагами, но всю физическую подготовку в актовом зале, реквизит и координацию со старшекурсниками веду я сама.

Мистер Вэнс на секунду замер. Он медленно закрыл папку, откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на меня.

— Вы ведете всё это в одиночку? — тихо спросил он, и в его бархатном баритоне послышалось искреннее удивление. — Староста, координатор, да еще и работа с театральным кружком? Это колоссальная нагрузка для одной девчонки.

Он замолчал, продолжая всматриваться в мое лицо, и нахмурился. Видимо, только сейчас, вблизи, он окончательно разглядел мою мертвенную бледность и лихорадочный блеск глаз. Из моего горла, как назло, вырвался тихий, надрывный кашель.

— Вы больны, Амалия, — его голос стал еще мягче, в нем появилось неподдельное участие. — Почему вы не в медпункте?

— Всё в порядке, мистер Вэнс... Я просто немного простудилась под дождем, — прохрипела я, пытаюсь спрятать дрожащие руки под стол.

— Это не «просто простудилась», у вас сильный жар, — он решительно покачал головой, поднялся со своего места, подошел к шкафчику и достал оттуда бутылку чистой воды и маленький блистер. — Вот, выпейте. Это сильное швейцарское жаропонижающее, оно быстро ставит на ноги. Мне самому часто приходится переносить простуду на работе.

Он протянул мне белую капсулу и открыл воду. Горло горело так невыносимо, что я без лишних мыслей взяла таблетку. Прохладная влага на секунду притушила пожар в гортани, а в груди разлилось странное тепло от того, что кто-то в этом элитном аду впервые проявил ко мне элементарную человеческую заботу.

— Спасибо, мистер Вэнс, — искренне выдохнула я, возвращая ему бутылку.

— Не за что. Нам нужен дееспособный староста, так что берегите себя, — он тепло улыбнулся и пододвинул папки обратно ко мне. — С мероприятиями мы разберемся позже, я сам поговорю с деканатом, чтобы вам выделили помощников из числа тех, кто любит прогуливать. А сейчас идите на остальные пары. Но если станет хуже — сразу домой. Договорились?

Я кивнула, забирая документы. Выходя из кабинета, я чувствовала странное облегчение. Новый профессор казался понимающим, добрым и благородным человеком. Настоящим спасением.

Следующие пары прошли для меня как в густом, вязком тумане. Ханна больше не подавала голоса, словно подавилась собственным ядом, но я буквально кожей чувствовала её тяжелый, мстительный взгляд. Когда наконец прозвенел долгожданный финальный звонок, я начала стремительно собирать вещи.

— Лия, ты точно в норме? — Ким вовремя преградила мне путь между партами, обеспокоенно заглядывая в лицо.

— Всё хорошо, ребят. Просто дико устала, — я выдавила подобие блеклой, фальшивой улыбки. — Мне пора, сегодня подработка, смена в другом корпусе. Не ждите меня.

Актовый зал «Брайт-Мура» встретил меня привычным, удушливым хаосом. В воздухе стояла плотная, тяжелая смесь из запахов залежалой многолетней пыли, едкого лака для волос и чужого пота. На сцене уже выставили громоздкие декорации, и группа парней в черных футболках возилась с огромным, неуклюжим фанерным макетом дерева, тщетно пытаясь сдвинуть его с места. Я старалась держаться как можно ближе к стене, почти сливаясь с ней, и лихорадочно выискивала глазами координатора волонтеров. Мне нужно было всего лишь поставить

дурацкую подпись и узнать свой график работы, но в этом орущем, суетливом муравейнике на меня никто не обращал ни малейшего внимания.

— Эй, ты! Да, ты! — резкий, пронзительный голос заставил меня болезненно вздрогнуть.

Ко мне со всех ног подлетел парень с всклокоченными волосами и зажатым в руке планшетом. Вид у него был такой, будто он не спал как минимум неделю.

— Помоги им с этим дубом, — он нетерпеливо махнул рукой в сторону застрявших рабочих. — Один из парней подвернул ногу, а нам нужно перетащить это на сцену прямо сейчас. Живее, время поджимает!

Я застыла. В воспаленном горле мгновенно пересохло, а в раскалывающейся голове панически пронеслось: «Сказать "нет" или просто развернуться и уйти?». Но здравый смысл быстро отрезвил: если я уйду, координатор из принципа может не засчитать мне драгоценные часы. А они были жизненно необходимы для сохранения стипендии. Я коротко, едва заметно кивнула и через силу поплелась к сцене.

В зале стоял такой истошный, оглушительный ор, что его отчетливо было слышно еще в дальнем конце коридора. Постановщик театра — мужчина средних лет с вечно дергающимся от нервного тика правым глазом и буйной копной седых волос — безумно метался между зрительскими рядами, яростно размахивая скомканным сценарием.

— Это не любовь! Это несварение желудка! — вопил он на очередную бледную претендентку. — Вы не поете, вы стонете, будто у вас нещадно болят зубы! Мне нужна глубина, драма, а не это дешевое нытье! Уйдите со сцены, не тратьте мое время!

Изо всех сил стараясь не привлечь к себе внимания, я согнулась в три погибели, помогая парню-технику тащить тяжеленный, впивающийся в ладони фанерный задник — то самое злосчастное дерево, которое должно было стоять в углу декораций. Тело ломило от жара, мышцы сводило, и я невольно поморщилась, когда со сцены очередная девица попыталась взять высокую ноту, но предсказуемо сорвалась на плоский, режущий слух писк. Фальшь ударила по воспаленным ушам так больно, что голова закружилась, и я едва не выпустила острый край фанеры из ослабевших рук.

Мы только-только вывалились на самую середину подмостков, тяжело пыхтя от непосильной нагрузки, как режиссер внезапно замер, оборвав крик на полуслове. Его безумный, цепкий взгляд намертво впился в меня.

Блэквуд всегда был ко мне добр — по-своему, конечно. Он напоминал вечно ворчащего многолетнего отца, который раздаст подзатыльники направо и налево, но втайне глубоко переживает за каждого. Вот и сейчас он замер, тяжело потирая указательными пальцами виски. Его взгляд, полный отчаянной надежды и глухого раздражения одновременно, заставил меня внутренне напрячься.

— Слушай, Амалия, — вдруг выдал он, и его голос разнесся под высокими сводами. — Ты ведь поешь, я точно знаю. Вставай на маркер, раз уж оказалась здесь. Время нещадно поджимает, а эти куклы только воздух зря переводят и последние нервы мне тратят.

По залу мгновенно пронесся ядовитый, шуршащий шепот. Девушки, пришедшие на пробы — все как на подбор в идеальных дизайнерских платьях и с безупречными салонными укладками — уставились на меня с нескрываемым пренебрежением. Они оглядывали мой застиранный, висящий из-за недоедания пиджак и растрепанные, влажные шоколадные волосы с таким видом, будто я была грязной половой тряпкой, которую по ошибке забыли прямо посреди подмостков. Кто-то из них прыснул в кулак, кто-то демонстративно закатил глаза, безмолвно транслируя: «Эту-то нищенку куда несет?».

Я застыла, все еще судорожно вцепившись пальцами в шершавый, царапающий край фанеры.

— Чего? — я растерянно моргнула, глядя на него сверху вниз. — Я вообще-то декорации таскаю, мистер Блэквуд. И я серьезно заболела, у меня горло дерет так, что говорить больно. Меня просто попросили подсобить техникам.

Блэквуд медленно, с тяжелым вздохом опустил очки на переносицу, глядя на меня поверх линз своим фирменным, пронизывающим взором.

— Послушай меня, Беркут, — он веско выделил каждое слово, — мне абсолютно плевать на твоё горло. Я не заставляю тебя орать на весь зал и брать верхнее «до». Просто спой вполсилы, дай мне услышать твою глубину. Если пойму, что голоса нет — вернешься к своему дереву, и я больше тебя пальцем не трону.

Его жесткий тон не предполагал даже попытки возражения. Внутри всё сжалось. Я отчетливо поняла: либо я сейчас пою, либо он в ярости вышвырнет меня из зала и аннулирует гребаные часы волонтерства. А глупо лишиться стипендии и вылететь из университета только из-за упрямства я не могла себе позволить.

Коротко вытерев вспотевшие от лихорадки ладони о клетчатую юбку, я сделала неуверенный шаг к стойке микрофона под перекрёстным огнём ядовитых взглядов претенденток. Пианист за роялем замер, вопросительно и напряженно глядя на режиссера.

— Лана Дель Рей. «Young and Beautiful». На полтора тона ниже оригинала, — хрипло бросила я в сторону музыканта, стараясь вообще не смотреть в притихший зал.

Пространство замерло, затаив дыхание. Пианист взял первые аккорды — густые, низкие, минорные, мгновенно заполнившие мрачную пустоту помещения. Я медленно закрыла глаза. Горло действительно нещадно болело, изнутри его словно резало ножами, но именно эта вынужденная, надрывная хрипотца неожиданно придала голосу ту самую нужную, бархатную текстуру. Я расслабилась и позволила ему течь — низкому, глубокому, тягучему, с той естественной, болезненной драмой, которую другие девчонки безуспешно пытались вымучить годами. Каждое слово отдавалось во мне физической болью, но я продолжала петь, вкладывая в чужие стихи всю свою ярость, голод и усталость от этого бесконечного ада.

Когда я допела последний, затихающий куплет, под сводами повисла такая гробовая, звенящая тишина, что было отчетливо слышно, как мерно гудит старая вентиляция под потолком. Высокомерные девицы в первом ряду больше не хихикали — они сидели с открытыми ртами, бледные, глядя на меня так, будто я только что на их глазах совершила смертельно опасный фокус. Блэквуд замер в кресле, не сводя с меня ошарашенного взгляда, и я с удивлением увидела, как его вечно дергающееся от нервного тика веко наконец-то полностью успокоилось.

— Твою мать, Беркут, — выдохнул он, быстро направляясь к подмосткам. — Знал же, на что ты способна. Помню ведь, как слышал тебя когда-то И почему я, старый дурак, до сих пор позволял тебе гробить такой талант на этом чертовом волонтерстве? Он подошел вплотную и, вопреки своей обычной резкости, почти по-отечески приобнял меня за плечи. Я почувствовала запах его крепкого табака и старой бумаги. Заметив, как я вздрогнула от озноба, режиссер нахмурился, быстро снял свой тяжелый шерстяной шарф и в несколько оборотов обмотал им мое воспаленное горло.

— Ну вот, — сухо произнес Блэквуд, поправляя узлы на моей шее. — Оказывается, в «Брайт-Муре» еще остались те, кто умеет петь, а не просто визжать. Где ты пряталась, Беркут?

— В библиотеке, — криво улыбнулась я, поглядывая на часы, висящие на стене.

Отстраняясь от него, я спрыгнула в зал, чувствуя, как адреналин мелко бьет по нервам. Горло под колючей шерстью начало саднить еще сильнее.

— У меня смена через десять минут.

Я почти бегом бросилась за кулисы. В углу, среди пыльных мотков кабеля, сиротливо лежал мой рюкзак. Рядом валялся темно-синий пиджак. Схватив его, я на ходу всунула руки в рукава, едва не запутавшись в подкладке. Ткань, пахнувшая сценой и старой фанерой, была

слабой защитой от того, что ждало снаружи. Я выбежала в проход, быстро пробираясь между зрительскими рядами к выходу.

— Амалия! — крикнул Блэквуд мне вслед. — Главная роль твоя. График репетиций скину на почту. Попробуй только не прийти — сам притащу!

Я не обернулась. Лишь сильнее толкнула тяжелую створку двери, вырываясь из душного помещения в прохладу коридора. Сердце колотилось где-то в горле. Главная роль? У меня? Когда мне учить текст, если я считаю часы до конца смены, чтобы просто не упасть? Мысли крутились в голове, как сухие, пожухлые листья в сточном водостоке.

Я шла через центральную парковку в сторону соседнего корпуса. Это место всегда казалось мне глянцево выставкой чужих достижений, к которым я не имела и никогда не буду иметь ровным счетом никакого отношения. Здесь ровными рядами стояли крутые, предельно дорогие тачки: матовые внедорожники, приземистые спорткары с хищными, прищуренными фарами и новенькие «Мерседесы», чьи лакированные бока блестели под каплями дождя, словно покрытые слоем жидкого стекла. Каждая из этих машин стоила больше, чем весь мой нищий, полуразрушенный район. В их идеально полированных поверхностях смутно отражалась я — нескладная, размытая тень в промокшей форме, понуро бредущая на вторую смену в библиотеку.

Холодный, пронизывающий ветер с Атлантики окончательно превратил воздух в колючую взвесь из ледяной водяной пыли. Я инстинктивно втянула голову в плечи и подняла жесткий воротничок, хотя это помогало не больше, чем картонный щит в самый разгар шторма. Ткань рубашки и пиджака намочила, потяжелела и неприятно облепила шею. Острый голод грыз изнутри, постепенно превращаясь в тупую, изнуряющую боль где-то глубоко под ребрами.

«Сэндвич. Мне нужен этот чертов кусок хлеба с тунцом, иначе я просто рухну где-нибудь в коридоре или между стеллажами», — подумала я, запуская онемевшую руку в карман. Я выгребла всю имеющуюся мелочь на ладонь прямо под ледяные струи. Пальцы совершенно одеревенели от холода и плохо слушались, с трудом перебирая металл. Один четвертак, пара даймов, липкие медные центы. Я шла, намертво уткнувшись взглядом в руку, и лениво маневрировала между бамперами сверкающих «Бентли» и «Порше».

— Семьдесят пять... — едва слышно прошептала я, судорожно сжимая в кулаке мокрые монеты. — Ну и черт с вами. Обойдусь.

На фоне лакированных капотов и хромированных дисков мои тяжелые, забрызганные грязью лоферы и рюкзак с оторванной нашивкой смотрелись как нелепая, злая насмешка над всей этой эстетикой успеха. Я была здесь абсолютно чужеродным телом, грязной деталью, которая никак не вписывалась в общую безупречную картину.

Я шла прямо по белой дорожной разметке, стараясь не вымокнуть окончательно, когда привычную тишину парковки внезапно разорвал хищный, вибрирующий рев мощного мотора. Этот звук не был похож на обычный шум проезжающего транспорта. Это был низкий, утробный, пугающий рык зверя, который на полной скорости шел на разгон.

Я только успела резко повернуть голову в сторону звука. Черная матовая тень на бешеной скорости вылетела из молочного марева тумана, внезапно возникнув между рядами припаркованных массивных джипов. Машина неслась прямо на меня, разрезая дождевую завесу.

Визг резины ударил по ушам. Удар в левое бедро был резким и тяжелым. Мир перевернулся в одно мгновение: меня откинуло в сторону, я несколько раз перевернулась на жестком покрытии, обдирая колени и локти сквозь тонкую ткань университетской формы. В следующую секунду я с глухим стуком приложилась затылком об асфальт. В глазах на мгновение полыхнуло слепящее белое пламя, а затем всё поплыло, как в неисправном старом телевизоре.

Все звуки разом стали ватными, далекими, словно я внезапно оказалась глубоко под водой. Я чувствовала, как горят ладони, сдираясь о мокрый камень, но самой страшной стала судорога в районе лодыжки. В момент падения мой левый лофер намертво зацепился за выбо-

ину в асфальте, и стопа неестественно подвернулась внутрь под тяжестью тела. Я отчетливо услышала глухой хруст, и острая боль, будто в кость вогнали раскаленный штырь, прошла ногу до самого бедра, мгновенно выбивая из легких остатки воздуха.

Сознание начало медленно соскальзывать в ледяную пустоту. Шарф Блэквуда, намокший и тяжелый, съехал, наполовину закрыв мне лицо и мешая дышать. Я беспомощно лежала в грязной луже, чувствуя, как дождевая вода заливается под воротник намокшего пиджака, смешиваясь с жаром, который всё еще тлел внутри. Вдруг послышался тяжелый, лязгающий звук открывающейся автомобильной двери и быстрые, резкие шаги, с силой бьющие по лужам в мою сторону.

Глава 3

«У катастрофы всегда безупречный тайминг. Она случается именно в ту секунду, когда ты окончательно поверил, что способен удержать этот мир на своих плечах».

— Черт... — выдохнула я, судорожно хватая ртом прохладный воздух.

Боль в лодыжке была такой адской, пульсирующей, что перед глазами мгновенно поплыли рваные тёмные мушки. Выглядела я, наверное, просто ужасно: насквозь мокрая, перемазанная в грязи, беспомощно распластанная на асфальте среди тускло поблёскивающих монет. Они высыпались из моей ладони в тот самый момент, когда его бампер задел меня. Мелочь с тихим, издевательским звоном рассыпалась по парковке и, судя по звуку, теперь сиротливо катилась под колеса чужих, неприлично дорогих машин.

— Эй, ты там жива?

Знакомый, до боли узнаваемый голос внезапно прорезал глухой, монотонный шум непрекращающегося осеннего дождя. Этот резкий окрик заставил меня силой вынырнуть из подступающей пучины подкатывающей слабости, липкого страха и унижительной жалости к себе.

— А по мне не видно? — сипло, с трудом выдавила я.

Ответ дался с колоссальным усилием, разорвав воспаленное горло новой вспышкой тупой боли. Слишком много стресса за одни только эти сутки.

Я заставила себя поднять голову, преодолевая тяжесть в затылке, и уставилась прямо в глаза человеку, который так бесцеремонно прервал мое самобичевание. О да, черт меня дери. Это был Кайден Грэм. Собственной персоной.

Еще сегодня утром в бесконечных, залитых светом коридорах университета я в очередной раз видела его лишь издалека, в окружении его преданной хоккейной свиты. Но сейчас, глядя на него снизу вверх, из грязной лужи, я могла рассмотреть его во всех удушающих деталях. Это был не просто высокомерный парень, а ожившее, холеное воплощение безупречной генетики и огромных денег. Сын голливудской актрисы с мировым именем и легендарного хоккеиста, ставшего мультимиллионером после завершения карьеры в НХЛ, Кайден с самого рождения получил абсолютно всё, о чем другие простые смертные не смели даже мечтать.

Высокий — не меньше шести футов и двух дюймов — он возвышался надо мной как неприступная скала, полностью перекрывая собой обзор на серое небо и козырек главного корпуса. Его фигура была внушительной, спортивной, выточенной годами изнурительных тренировок на льду: широкие, развернутые плечи, узкие бедра и длинные сильные ноги, обтянутые дорогими темными брюками из плотной ткани. На нем был надет бомбер из тяжелого темно-синего сукна с плотными кожаными рукавами цвета слоновой кости — официальная куртка университетской сборной, которую здесь носили как знак принадлежности к касте избранных. Он стоял, оперев руки в бока, и вся его поза, каждый наклон головы буквально кричали о безграничной власти и абсолютном праве обладать этим пространством.

Первое, что по-настоящему бросалось в глаза и заставляло внутренне сжаться — его взгляд. Яркие, льдисто-голубые глаза цвета арктического океана смотрели на мир со смесью глубокой скуки и ленивого превосходства, которая бывает лишь у людей, никогда в жизни не слышавших короткого слова «нет». Сейчас в этой лазури закипало глухое, ледяное раздражение. У Кайдена было лицо, которое камера полюбила бы с первого же кадра: резкие, высокие скулы, прямой аристократический нос и тяжёлый волевой подбородок с едва заметной ямкой

по центру. Его кожа имела ровный золотистый загар — явный признак того, кто проводит уикенды на собственных семейных яхтах где-то в Монако, пока другие вгрызаются в учебники. Густые волосы цвета темного золота были небрежно, по-бунтарски зачёсаны назад, но несколько тяжёлых прядей упрямо падали на лоб от поднявшегося резкого ветра.

Он сократил расстояние между нами всего в один широкий, уверенный шаг. Прежде чем я успела издать хоть какой-то звук, возразить или просто трусливо отползти назад, его длинные пальцы жёстко, по-хозяйски сомкнулись на моих предплечьях. Хватка была стальной, бесцеремонной, натренированной клюшкой и силовыми приёмами, и она не оставляла мне ни единого шанса вырваться. Кайден буквально дёрнул меня вверх, одним движением заставляя встать на ноги.

Мир вокруг мгновенно поплыл, затылок взорвался тупой, пульсирующей болью, а к горлу подкатил кислый, удушливый ком тошноты. Но самое страшное случилось через секунду. Когда я рефлексивно попыталась перенести вес тела на левую ногу, лодыжку прошило такой дикой болью, что из глаз брызнули горячие слезы. Я судорожно, теряя контроль, вцепилась в плотную ткань его бомбера, пальцами до хруста в ногтях сминая дорогую кожу на рукаве цвета слоновой кости, лишь бы не рухнуть обратно в грязную лужу. Из груди вырвался надрывной, хриплый стон, который я до последнего пыталась сдержать зубами.

Кайден продолжал держать меня практически на весу за предплечья, не позволяя осесть обратно на мокрый асфальт. В его льдистом взгляде не было и капли сочувствия или банальной человеческой жалости — скорее холодная досада и оценка ущерба, будто он проверял, не сильно ли сломалась какая-то вещь, которую теперь по досадной случайности придётся чинить за свой счёт. Я отчётливо чувствовала сильный, почти осязаемый жар, исходящий от его тела через плотную куртку, который так яростно контрастировал с моим ледяным, пробирающим до костей ознобом.

— Я очень спешу, — он бросил быстрый, раздраженный взгляд на массивные наручные часы, и на его лице отразилось такое нескрываемое нетерпение, будто каждая секунда, потраченная на меня посреди этой залитой водой парковки, стоила ему целого состояния. — Всё, что я могу предложить...

Он бесцеремонно разжал пальцы, просто лишая меня опоры, и опустил меня на асфальт. Ноги мгновенно подкосились, как тряпичные. Ослепнув от новой вспышки боли, я рефлексивно вытянула руку вбок и мертвой хваткой вцепилась в холодное боковое зеркало его машины, чудом удерживая равновесие на одной здоровой ноге.

Не дожидаясь моего ответа или хоть какого-то знака, он хладнокровно вытащил дорогой кожаный кошелек из заднего кармана брюк и, быстро порывшись внутри длинными пальцами, достал плотную, увесистую пачку новеньких купюр. Пока Кайден с абсолютно непроницаемым лицом отсчитывал банкноты, я попыталась остановить этот бред. Подавшись вперед всем телом, рискуя сорваться с зеркала, я со всей силы схватила его за запястье.

— Мне не нужны... — сипло выдохнула я.

Он даже не удосужился дослушать меня. С тихим, свистящим раздражением Кайден силой отодрал мою ладонь от своей руки, легко перехватил мои пальцы и бесцеремонно, с силой засунул плотную пачку купюр прямо мне в содранные, горящие ладони. Шершавая бумага коснулась свежих, кровоточащих ран, и я резко зашипела — по обнаженной, содранной коже будто с размаху прошлись крупной наждачкой. Новые, хрустящие банкноты мгновенно впитали сочившуюся кровь, пропитываясь багровыми пятнами, становясь липкими и мерзкими.

— Сходи к врачу, купи новую одежду взамен испорченной. Еще раз прости, — бросил он, уже разворачиваясь к своей машине.

Его голос оставался ровным, бездушным, пугающе равнодушным, как запись на автоматическом автоответчике. Он явно считал этот инцидент полностью исчерпанным, а свою вину перед какой-то девчонкой с окраины — официально выкупленной и закрытой.

Я опустила взгляд на пачку денег в своих испачканных, окровавленных руках. Внутри всё перевернулось от дикого, обжигающего отвращения, перерастающего в настоящую тошноту. Этот парень серьезно думал, что может просто взять и откупиться? Что можно сбить человека на пешеходной зоне, швырнуть ему бумажную подачку и спокойно уехать по своим невероятно важным делам ?

Меня прошибло такой оглушительной, ослепляющей яростью, что я на какое-то мгновение вообще перестала чувствовать пульсирующую боль в лодыжке. Перед глазами поплыло багровое марево от чистой, незамутненной ненависти. Злость за всё сразу — на мать, которая опять устроила ад, на этот бесконечный, проклятый ливень, на мерзкого Марка, который сейчас наверняка дрыхнет в нашей крошечной съемной квартире, и на эту холеную, надменную, скуку передо мной — окончательно сорвала все мои внутренние тормоза.

Ярость заставила меня замахнуться, вкладывая в это движение всю свою злость, и со всего маху швырнуть эту окровавленную пачку денег прямо ему в спину. Купюры веером, с тихим шелестом разлетелись под брызгами тяжелого дождя. Пара из них влажно, с мерзким звуком шлепнулась на матовое, безупречно чистое крыло его спорткара, а остальные тяжелым слоем упали в грязную, маслянистую лужу прямо у его дорогих замшевых лоферов.

— Стоять, индюк ты напыщенный! — мой голос окончательно сорвался на хриплый, надрывный крик, от которого засадило в груди.

Кайден мгновенно замер. На секунду показалось, что даже ливень вокруг нас стал тише. Он медленно, почти лениво, с явной неохотой повернулся назад. В его глазах теперь читалось искреннее, глубокое недоумение: он явно впервые в своей благополучной жизни столкнулся с тем, что кто-то в этом чертовом университете не пытается перед ним лебезить, заглядывать в рот и ловить каждый вздох.

— Повтори, — он опасно прищурился, и в его льдисто-голубых глазах вспыхнул тот самый хищный, первобытный огонь, который соперники видят на льду перед жестким столкновением.

Я облизала пересохшие, губы, упрямо, из последних сил глядя на него снизу вверх и продолжая мертвой хваткой цепляться побелевшими пальцами за зеркало авто.

— У тебя проблемы со слухом или тормоза в башке работают так же хреново, как на твоём корыте? — я буквально выплюнула эти слова ему в лицо, вообще не заботясь о последствиях, о его статусе и о том, что меня могут вышвырнуть из университета до конца дня. — Здесь ограничение двадцать, Грэм! Ты читать не умеешь?! Это пешеходная зона корпуса! Какого хрена ты так несешься, урод?!

Кайден сузил свои льдистые глаза, и в них заиграл опасный, темный, почти осязаемый гнев. Его чертовы глаза потемнели на глазах, стремительно превращаясь из арктической лазури в тяжелое, грозное небо. Но меня уже несло на полной скорости, адреналин ударил в голову, и остановиться я физически не могла.

— Думаешь, вывалил пачку своего вонючего бабла и стал неприкасаемым? Да ты просто урод! — последнее слово я выкрикнула по-русски, вкладывая в него всю свою накопленную за адские сутки ненависть, зная, что мажор не поймет ни слова, но точно считает интонацию.

Я рванула руку, скомкала оставшиеся в кулаке чертовы сотни в плотный, грязный комок и со всей силы швырнула их прямо в его идеально выбритое лицо. Купюры с глухим шлепком ударились о его высокую скулу и веером разлетелись по лужам под нашими ногами.

Он сжал челюсти так сильно, что на его скулах заиграли жесткие, отчетливые, ходящие ходуном желваки. Кайден резко нагнулся, судорожно, почти с физической брезгливостью собирая мокрые, испачканные купюры из грязи. На некоторых банкнотах остались четкие, смазан-

ные дождем следы моей крови, но ему сейчас было наплевать — его трясло от уязвленного эго. Не проронив больше ни единого слова, не удостоив меня даже взглядом, он круто развернулся на пятках.

Его шаги были быстрыми и тяжелыми. С металлическим щелчком хлопнула тяжелая дверь его «Ламборгини». Мотор взревел с такой мощностью, что мокрый асфальт подо мной ощутимо завибрировал. Машина сорвалась с места в яростный, безумный разгон, с визгом мокрых шин пролетела десяток метров вперед и резко, с заносом затормозила на его персональном именованном месте у самого входа в главный корпус.

Я смотрела на матовую, хищную корму суперкара, чувствуя, как ярость буквально душит меня изнутри, не давая сделать нормальный вдох. Гребаный красавчик университета. Гребаный капитан хоккейной команды, привыкший, что весь этот мир послушно расступается перед его громкой фамилией. Живая икона «Брайт-Мура», по которой сохнет каждая девчонка на потоке, выстраиваясь в очереди. А те немногие, кто не сохнет — просто до умопомрачения, до дрожи боятся переходить ему дорогу или смотреть в глаза.

— Козел! — из последних сил, окончательно срывая и без того воспаленные связки, хрипло выкрикнула я вдогонку его припарковавшейся тачке.

Превозмогая наваливающуюся дикую слабость, я высоко вскинула дрожащую руку и показала средний палец наглухо тонированному заднему стеклу, надеясь, что он смотрит в зеркало заднего вида.

Нужно было уходить, шевелиться, время моей смены безжалостно поджимало, а штрафы за опоздание окончательно добились мой бюджет. Внутри всё ходило ходуном, злость брала верх над остатками здравого смысла. Я попыталась развернуться, чтобы сделать шаг в сторону тротуара, но стоило мне перенести вес тела на левую ногу, как мир вокруг резко, тошно-творно и быстро поплыл по кругу. Лодыжку прошило такой острой, режущей болью, словно туда вогнали раскаленный штырь, что перед глазами мгновенно потемнело. Нога просто подогнулась в суставе, наотрез отказавшись держать мое измученное тело.

Я рефлекторно попыталась за что-то ухватиться, чтобы сохранить равновесие и не опозориться окончательно. Пальцы лишь беспомощно скользнули по мокрой, скользкой ткани собственного дешевого пиджака, не найдя никакой опоры. Перед глазами вспыхнули и тут же погасли крупные белые искры, а гулкие звуки парковки, шум дождя разом стали ватными, далекими и глухими, будто я внезапно провалилась под толщу ледяной воды.

Я плашмя рухнула обратно на холодный асфальт, даже не успев выставить процарапанные ладони, чтобы хоть как-то смягчить этот удар. Голова тяжело мотнулась.

— Да твою мать! — донесся откуда-то со стороны именной стоянки панический, сорванный мужской голос, а вслед за ним раздались быстрые шаги.

***

Пробуждение напоминало попытку всплыть со дна океана с чугунными гирями на лодыжках. Первое, что я почувствовала — иссушающую, яростную жажду. В горле пересохло так, словно я наглоталась песка.

— Воды — прохрипела я, едва узнавая собственный голос.

С трудом разомкнув тяжелые веки, я поняла, что в палате не одна. Людей для этой тесной комнаты было слишком много. Я попыталась пошевелиться, чтобы осмотреться, и тут же поморщилась от тупой боли в затылке. Левая нога ниже колена была намертво закована в пластиковую конструкцию.

У окна, заложив руки за спину, стоял мужчина, от одного вида которого воздух вокруг начинал искриться озоном. Артур Грэм. «Железный Грэм». Тот самый легендарный хоккеист, чьи скульптуры на спортивных плакатах казались высеченными из гранита. В жизни он выглядел еще массивнее и опаснее. Его лицо знал каждый, кто хоть раз включал новости.

Рядом с кроватью на стуле сидел незнакомый парень. Он был едва уловимо похож на Кайдена — те же фамильные черты, — но линии его лица были мягче, а в карих глазах вместо арктического льда светилось искреннее сочувствие. Заметив, что я очнулась, он тут же потянулся к стакану на тумбочке и аккуратно помог мне приподняться.

— Тише, не дергайся, — мягко проговорил он, придерживая меня за плечи. — Пей медленно.

Прохладная вода обожгла пересохшую гортань, смывая липкий жар. Но стоило мне сделать пару жадных глотков, как взгляд наткнулся на третью фигуру. Кайдена. Он замер в дверном проеме, прислонившись к косяку, и наблюдал за мной со своим привычным, нечитаемым выражением лица. На нем была простая темная толстовка, но вся его поза по-прежнему источала ледяное превосходство.

Артур Грэм медленно обернулся к кровати. Его взгляд был тяжелым и изучающим.

Вот этот фрагмент, начиная с реплики старшего Грэма. Теперь Амалия отвечает ему с холодной, взрослой вежливостью, защищая свою гордость после слов о матери:

Артур Грэм медленно обернулся к кровати. Его взгляд был спокойным, тяжелым и изучающим.

— Ну что, Амалия, — голос старшего Грэма прозвучал низко и веско. — Внутренние ушибы не критичны, жизненно важные органы целы. Но удар затылком об асфальт спровоцировал сотрясение мозга средней тяжести. Отсюда обморок, тошнота и головная боль. Вдобавок врачи диагностировали у тебя сильное истощение на фоне запущенной анемии и острую простуду. Иммунитет на нуле.

Он сделал короткую паузу, давая мне время осмыслить услышанное, и продолжил:

— Ну и левая нога... прелом лодыжки, к счастью, без смещения. Тебе уже наложили жесткий ортез. Ближайшие полтора-два месяца наступать на ногу категорически нельзя, только костыли и полный покой. Мой сын совершил непростительную глупость, поэтому наша семья полностью возьмет на себя все расходы. Лечение, лучшие медикаменты, реабилитация и компенсация — ни о чем не беспокойся.

Артур подошел чуть ближе к кровати, но остановился на уважительном расстоянии.

— Я звонил твоей матери, — уже тише произнес он, и в его тоне проскользнуло тяжелое недоумение. — Хотел лично обсудить компенсацию и то, как организовать уход после выписки. Но, Амалия... она заявила, что ты вечно вливаешься в неприятности, и она не собирается со всем этим возиться. Сказала, чтобы ты разбиралась сама и в её дом больше не возвращалась.

Внутри меня что-то с тихим звоном лопнуло. Я и раньше знала, что не нужна ей, но получить такой обух по голове на глазах у Грэмов... Меня будто прилюдно ударили по лицу. Щеки обожгло от унижения, а к горлу подкатил тяжелый, удушливый ком.

— Мило, спасибо вам большое за помощь, — выдавила я, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул. Я заставила себя посмотреть прямо на старшего Грэма. — С остальным я справлюсь сама.

— Сама? — Кайдена наконец подал голос, нехотя отлипая от косяка и делая шаг в палату. Он коротко, издевательски усмехнулся. — Ты сейчас даже одеяло с себя скинуть не сможешь, Беркут, чтобы тебя не стошнило от сотрясения. Так что побереги свой гонор для кого-нибудь другого.

Артур Грэм перевел строгий взгляд на старшего сына, без слов давая понять, что тот обязан исправить то, что натворил на парковке.

— Займись её переездом, — веско бросил глава семейства. — Леон, идем. Дадим Амалии отдохнуть.

Парень, который поил меня водой, послушно поднялся со стула. Перед тем как пойти за отцом, он задержал на мне взгляд, и на его губах появилась теплая, подбадривающая улыбка.

— Ну что ж, выздоравливай. Еще увидимся, — тихо сказал он.

Только когда за ними закрылась дверь, пазл в моей голове окончательно сложился. Взглянув на опустевший стул, я сопоставила его внешность со слухами из Брайт-Мура о «втором Грэме» и наконец поняла, кем был этот заботливый парень. Леон. Родной младший брат Кайдена. Полная его противоположность.

В палате стало нечем дышать. Кайден сделал еще несколько медленных шагов и навис над кроватью, бесцеремонно нарушая мои личные границы. Вместе с его приближением меня накрыл густой шлейф горького шоколада, который мгновенно вытеснил больничную антисептику.

— Ну что, Беркут? Слышала отца? — он засунул руки в карманы и опустил на меня свой ледяной взгляд. — План такой: ты не едешь в тот притон, который зовешь домом. Я забираю тебя к себе.

Я нервно хохотнула, чуть не подавившись остатками воды.

— К себе? — я вытолкнула это слово вместе со свистящим выдохом. — Ты, Грэм, походу, сам головой приложился, когда свои вонючие баксы из лужи выковыривал. Я скорее обратно под колеса твоего корыта лягу, чем добровольно переступлю порог твоего дома.

Кайден даже не шелохнулся. В его глазах не было и капли злости — только ленивое раздражение человека, которому подкинули лишнюю работу.

— Мнение пострадавших в этой палате никого не волнует, — ровно протянул он. — Мой отец приказывает не повторять. Если я не притащу тебя к себе, он решит, что я не умею отвечать за свои косяки.

— Мне плевать на твои проблемы! — я попыталась дернуться, но ортез намертво пригвоздил ногу к матрасу. Из-за резкого движения в затылок выстрелила вспышка боли. Я зажмурилась, тяжело дыша. — Ты сбил меня, Грэм. Ты ублюдок.

Кайден лениво вскинул бровь, на его губах заиграла привычная насмешливая усмешка. Он наклонился к кровати чуть ближе.

— Ну, во-первых, неправда. Мое свидетельство о рождении в полном порядке, я законнорожденный, так что с терминологией полегче, Беркут, — протянул он, заглядывая мне прямо в глаза. — А во-вторых... Моя семья обеспечила тебе эту клинику. И сейчас я — единственный человек, который вообще согласился возиться с тобой, пока ты не начнешь нормально ходить.

Он выпрямился, вернув руки в карманы толстовки, и окинул взглядом мою неподвижную ногу в пластиковом каркасе.

— Поубиваем ли мы друг друга? Возможно. Но завтра утром выписка. Так что советую не тратить силы на обдумывание планов побега. Смирись, Беркут. Ближайшие пару месяцев мы делим одну территорию.

Я хмыкнула, а потом с глухим бессилием тихо произнесла:

— Но ты же понимаешь, что если бы не ты, то я бы здесь вообще не оказалась? Спасибо, конечно, что «возишься» со мной... Но если ты переживаешь за свою репутацию, то можешь расслабиться. Я не собиралась катать на тебя заяву или кому-то рассказывать об аварии.

Договорив, я из последних сил отвернулась от него, уставившись в темное окно ночного Бостона. В палате повисла тяжелая, звенящая тишина.

Я отчаянно пыталась сдержать подступающие слезы, но одна все-таки предательски скатилась по щеке. Кайден замолчал. Его издевательский настрой вдруг куда-то испарился. Прошло всего пара секунд, как я почувствовала на своем лице прикосновение чужих пальцев.

Кайден бережно, но настойчиво обхватил мой подбородок, разворачивая обратно к себе, и пристально заглянул мне в глаза.

— Послушай меня, Беркут, — негромко сказал он, и из его голоса полностью исчезла недавняя спесь. — Я поступил как ублюдок, признаю. Сбил тебя, не удостоверился, в порядке ли ты, и просто уехал. Но прямо сейчас я реально хочу помочь. Это по моей вине ты ближайшие месяцы не сможешь впахивать на своих трех работах.

Он чуть придвинулся, не позволяя мне снова отвернуться:

— И можешь не переживать из-за денег. Я найду для тебя работу. Будешь помогать мне с домашкой, а я буду платить. Как я понял, ты у нас умненькая. Так что не смей плакать только потому, что чувствуешь себя беспомощной.

С этими словами он аккуратно провел большими пальцами по моим щекам, стирая влажные дорожки. Сама того не желая, я просто разрыдалась от скопившейся обиды и усталости, а Кайден продолжал молча вытирать мое лицо.

— Ты можете злиться на меня сколько хочешь, — тихо добавил он, заставляя меня смотреть на себя. — Имеешь полное право. И прости за то, что я сейчас скажу... Но твоя мать — полное дерьмо.

Его пальцы в последний раз скользнули по моей скуле, смахивая последнюю каплю, и тепло в его глазах мгновенно исчезло. Будто кто-то щелкнул выключателем. Кайден резко отстранился, засунул руки обратно в карманы толстовки, и на его лицо тут же вернулась привычная маска безразличия.

— Ладно, хорош сопли разводить, — усмехнулся он, окинув меня ленивым взглядом. — А то я уже начал переживать, что ты мне тут всю палату затопишь. Набирайся сил, Беркут.

Он развернулся и не спеша пошел к выходу. Уже у самой двери Кайден обернулся и бросил через плечо:

— Спи. Завтра в девять утра я за тобой приеду. Не вздумай чудить.

Дверь за ним тихо закрылась, и в палате наконец воцарилась полная тишина.

Я осторожно опустила голову обратно на подушку, уставившись в потолок. Внутри всё переворачивалось от странного, дикого осознания. Родная мать, которая должна была защищать, просто назвала меня «проблемой» чужому мужчине и вычеркнула из жизни. А человек, из-за которого я вообще оказалась на этой койке, не стал прятаться за адвокатов. Он безоговорочно взял за меня ответственность и теперь везет к себе в дом, чтобы обеспечить уход.

От этого контраста в груди странно щемило. Тот, кто был виноват в моих сломанных костях, оказался готов разгрести последствия, пока самый близкий человек просто вычеркнул меня из своей жизни.

Голова невыносимо раскалывалась, а силы после этой истерики окончательно иссякли. Я повернулась набок, стараясь не тревожить больную ногу, и закрыла глаза. Сон накрыл меня почти мгновенно, утягивая в тяжелую темноту без мыслей.

Глава 4

«Трудно оставаться гордой, когда у тебя нет ничего, кроме этой самой гордости. Но именно она не позволяет тебе упасть, когда весь остальной мир уходит из-под ног».

Д

Утро не принесло облегчения. Наоборот, оно выкрутило все настройки боли на максимум.

Когда в коридоре послышались уверенные шаги, я уже стояла у панорамного окна, намертво вцепившись пальцами в холодный пластик подоконника позади себя. Добраться сюда от кровати, балансируя на одной правой ноге и цепляясь за стены, было тем еще испытанием. Левая лодыжка, скованная громоздким черным ортезом, глухо и тяжело пульсировала в такт ударам сердца. Голова гудела, горло саднило, а по спине то и дело пробегал озноб.

Но больше физических страданий меня выворачивало от неопределенности. Внутри осталась сплошная неразбериха: я понятия не имела, как вести себя с Грэмом дальше. Шагнуть в его мир, по сути, сдаться на его милость — это казалось безумием, но другого выхода мне просто не оставили. И эта вынужденная зависимость от парня, который за секунду сломал мою жизнь, пугала сильнее, чем сотрясение мозга.

Дверь открылась без стука. Кайдэн вошел в палату так, будто она принадлежала ему по праву собственности. Сегодня на нем были простые черные джинсы и худи, но даже в этой одежде он выглядел на миллион долларов. На его лицо снова вернулся привычный холод. Никакого сочувствия, никакой ночной мягкости — он смотрел на меня так, словно вчерашнего откровения и моих слез никогда не существовало. Это мгновенно разозлило.

— И что мы пытаемся доказать? — вместо приветствия бросил он, останавливаясь посреди комнаты и лениво засунув руки в карманы. — Что ты умеешь стоять как цапля?

Я медленно повернула к нему голову, встречая его тяжелый взгляд.

— У меня очень плохое настроение, и я не особо настроена на твои колкости, — выдохнула я, чувствуя, как от каждого слова горло обжигает сухой болью. — Где мои вещи? Где телефон? Я должна позвонить куратору в университет.

Кайдэн даже не шелохнулся. Он лишь мазнул равнодушным взглядом по моим побелевшим пальцам, судорожно сжимающим подоконник.

— Твой мобильник разбился еще на парковке, забудь. А вещи уже у меня в машине. И звонить самой тебе незачем — я уже всё уладил и сообщил в деканат, что ты на больничном.

Я на секунду замолчала, переваривая информацию. Злиться на то, что проблемы с учебной решены, было бы глупо. Хоть Грэм и не обязан был этого делать, он избавил меня от лишней головной боли.

— Спасибо, — сухо, но искренне произнесла я. — Хотя я бы предпочла сделать это сама.

Кайдэн хмыкнул, и на его губах заиграла привычная холодная усмешка:

— Вижу, моё появление окончательно добило твоё и без того паршивое утро, Беркут.

— Не льсти себе, Грэм, — я упрямо вздернула подбородок. — Не думай, что весь мой мир крутится вокруг твоей персоны и ты способен так легко меня задеть. У меня и без тебя хватает дерьма в жизни.

В его глазах промелькнула оценивающая искра. Он явно ждал банальных девичьих слез или истерики, но никак не этой ледяной рассудительности.

— Уверена? — его голос стал на тон ниже. — По-моему, твоё настроение обнулилось ещё вчера, когда твоя родительница по телефону прямым текстом заявила моему отцу, что знать тебя не хочет.

Слова Кайдена ударили наотмашь, попав в самую уязвимую, кровоточащую рану. Внутри всё болезненно сжалось, но я заставила себя даже не моргнуть. Я не собиралась дарить этому холёному мажору удовольствие видеть мою слабость.

— Моя мать — это исключительно моя проблема, Грэм, — ледяным тоном ответила я. — Можешь не трудиться напоминать мне, что я осталась одна. Я знала это задолго до того, как ты переехал меня на своей дорогой тачке. Так что избавь меня от жалости. Или от брезгливости. Смотря что там сейчас колышется в твоей благородной голове.

На его лице не отразилось ни капли сочувствия, но взгляд льдисто-голубых глаз стал непривычно тяжёлым.

— Меньше всего на свете я собираюсь тебя жалеть, Беркут. План остаётся прежним: ты едешь ко мне, так что хватит строить из себя гордую мученицу. Ты можешь сколько угодно брызгать ядом, но мы уезжаем. Прямо сейчас. Либо ты садишься в кресло-каталку, либо я понесу тебя на руках. Выбирай быстрее, у меня нет времени на твои драматические паузы.

Я посмотрела на его сильные руки с чётко проступающими под кожей венами. Посмотрела на свою левую ногу, которая уже наотрез отказывалась меня держать. Унижение от того, что этот мажор потащит меня на глазах у всей больницы, казалось невыносимым, но катиться в кресле под сочувственными взглядами персонала было чуть менее позорно.

Из двух зол нужно было выбрать меньшее.

— Я сяду в кресло, — прохрипела я, стараясь не выдать, как сильно кружится голова. — Принеси его.

— Как скажешь.

Кайден прищурился, развернулся и вышел в коридор. Через секунду я услышала его уверенные шаги, а затем — приглушенный разговор на повышенных тонах.

— Эй, — окликнул он проходившую мимо медсестру. Его голос даже в обычной просьбе звучал так, будто он отдавал приказ, не терпящий возражений. — Где каталка, которая стояла здесь пять минут назад? Мне нужно забрать пациентку из седьмой.

— О, мистер Грэм, простите, — голос медсестры был виноватым и слегка заискивающим. — Её только что забрали в экстренный блок. На въезде массовое ДТП, это была последняя свободная на этаже. Придется подождать минут сорок, пока освободится одна из санитарных...

— У меня нет сорока минут, — отрезал Кайден.

Он вернулся в палату, и по его лицу я сразу поняла: мой план с треском провалился. Кайден остановился в дверях, и на его губах промелькнула торжествующая усмешка.

— Ну что, Беркут? Слышала? Твой транспорт уехал спасать мир.

Я сильнее вцепилась в подоконник позади себя, чувствуя, как правая нога начинает мелко дрожать от напряжения.

— Я подожду, — упрямо выдохнула я. — Сорок минут — это не вечность.

— Вечность, Беркут. Для меня — целая вечность, — Кайден в два широких шага сократил расстояние между нами.

Прежде чем я успела выставить руки или хотя бы возмутиться, он наклонился. Его движения были уверенными и на удивление осторожными — он явно старался не потревожить сломанную ногу. Одна ладонь скользнула мне под лопатки, вторая — под колени. Кайден поднял меня одним слитным движением, легко, без видимого усилия.

Мир мгновенно качнулся. От резкого подъема затылок прошило острой болью, я невольно вскрикнула и рефлекторно обхватила его за шею. Пальцы намертво смяли плотную ткань черного худи. Я кожей почувствовала жар, исходящий от его тела, и этот чертов запах горького шоколада, который теперь заполнял всё пространство вокруг.

— Пусти... Я тяжелая, — прохрипела я ему в плечо, хотя сама понимала: если он сейчас разжмет руки, я просто распластаюсь по кафельному полу бесформенной кучей.

— Не смей меня, Беркут, — Кайден хмыкнул, уверенно выходя в широкий стерильный коридор. — В тебе веса меньше, чем в моем бауле с хоккейной экипировкой. Так что не дергайся и не души меня. Я не собираюсь тебя ронять. По крайней мере, пока не донесу до машины.

Я замолчала, чувствуя, как лицо заливают густая краска стыда. Он нес меня мимо постов медсестер, мимо открытых дверей других палат, и я буквально кожей ощущала, как люди провожают нас взглядами. Капитан хоккейной сборной, «золотой мальчик» университета, и его нечаянная жертва, выглядящая как ободранный котенок. Унизительнее этого момента в моей жизни не было ничего — даже когда мать забывала забрать меня из начальной школы, оставляя ждать на крыльце до темноты.

Кайден молчал, уверенно и быстро шагая по длинному переходу, а затем вдруг тихо, с искренним недоумением спросил:

— Как можно было довести себя до такого состояния, Беркут? Ты вообще не замечала, что больна? Как можно было не знать про анемию и истощение?

Его вопрос задел за живое. Раздражение поднялось волной, и я лишь сильнее сжала челюсти, упрямо уткнувшись взглядом в его плечо.

— Я догадывалась, Грэм, — глухо ответила я. — Просто у меня повышенная стипендия и три работы. Я чисто физически не успевала куда-либо сходить. Не говоря уже о банальном сна. Вечная усталость и то, что кружится голова, казались нормой на фоне такого графика. Мне нужно было закрывать счета, а не размазывать сопли по врачам.

Мы подошли к лифту. Кайден нажал на кнопку вызова локтем, даже не замедлив шаг, и на мгновение опустил взгляд на мое бледное лицо. В его льдистых глазах на секунду промелькнуло что-то похожее на мрачное уважение, которое тут же сменилось привычным скепсисом.

— Рационально, — коротко бросил он, когда двери лифта с тихим шуршанием разъехались в стороны. — Но абсолютно тупо. Гробить собственное здоровье ради пары лишних баксов — сомнительный повод для гордости.

Двери сомкнулись, отрезая нас от больничного коридора, и лифт плавно пошел вниз. Его слова про «пару лишних баксов» за секунду выжгли во мне всё то унижение, которое я испытывала мгновением ранее. На его место пришла глухая, ледяная ярость. Я резко дернулась в его руках, заставляя Кайдена сбиться с шага и посмотреть на меня сверху вниз.

— Ну конечно, Грэм. «Золотому мальчику» ведь виднее! — выплюнула я ему прямо в лицо, задыхаясь от подступающего к горлу кашля. Голос безбожно хрипел, но мне было плевать. — Тебе-то легко рассуждать о глупости. Ты понятия не имеешь, каково это! Когда у тебя мать неделями не просыхает с левыми мужиками. Когда тебе нужно жрать, понимаешь? Просто чтобы не сдохнуть! Платить за свой чертов угол. Обеспечивать себя самой. С самого, сука, детства!

Я сделала судорожный вдох, чувствуя, как затылок снова прошибает тошнотворной болью.

— Так что засунь свои лекции о гордости себе в задницу. Для тебя это центы. Карманные расходы. А для меня — цена выживания.

Кайден замер так резко, что я всем телом ощутила, как под плотной тканью толстовки напряглись мышцы его груди. Он просто замолчал, уставившись на меня в упор, а его челюсть сжалась так, что на скулах отчетливо проступили желваки. В лифте повисла тяжелая тишина, прерываемая только глухим гулом спускающейся кабины. Хватка его рук под моими коленями и на спине изменилась — он стиснул меня до боли, словно едва сдерживался, чтобы не встряхнуть.

Двери лифта с тихим шуршанием разъехались, обдав нас прохладным, сырым воздухом подземного паркинга. Кайден сделал глубокий вдох и шагнул в полумрак помещения, по-прежнему крепко удерживая меня на руках.

— Я не считаю твои деньги, Беркут, — глухо бросил он в пространство, даже не посмотрев на меня. — И не надо делать из меня изнеженного придурка, который ничего в этой жизни не понимает. Я давно сам себя обеспечиваю и знаю цену каждому доллару. Так что закрыли тему.

Его шаги гулко отзывались от низкого бетонного потолка, теряясь между бесконечными рядами машин. Здесь пахло сыростью, выхлопными газами и дорогой резиной. Грэм шёл быстро, размашисто, и я всем телом чувствовала, как сильно он заведён после моего монолога. Мышцы его рук до сих пор были напряжены как стальные тросы. Я упрямо молчала, уставившись в пустоту перед собой, лишь бы не смотреть на его жестко сжатую челюсть. Через несколько рядов в полумраке хищно блеснул знакомый матовый кузов. Его «Ламборгини». Та самая машина, которая чуть не отправила меня на тот свет, сейчас стояла с включёнными габаритами, похожими на два узких, прищуренных глаза зверя. Кайден остановился у пассажирской стороны. Одним сильным движением он перехватил меня, удерживая под бедра, а свободной рукой нажал на брелок и толкнул дверь-крыло вверх. Она плавно, с тихим шипением взмыла в воздух. И тут до меня дошло. Машина была запредельно низкой. Для здорового человека сесть в неё — минутное дело, но для меня, с левой ногой в массивном пластиковом сапоге-ортезе, это превращалось в невыполнимый квест. Мой перелом был без смещения, и колено прекрасно гнулось, но жесткий фиксатор, доходящий до середины икры, намертво блокировал голеностоп. Я физически не могла пошевелить стопой или вытянуть носок, чтобы нормально сгруппироваться и протиснуться в этот утопленный в самый пол салон.

— И как... — мой голос сорвался на сиплый шепот, когда я перевела взгляд с глубокого кожаного сиденья на свою ногу. — Как я туда сяду, Грэм? Она же впиритирку к полу.

Кайден наконец опустил на меня взгляд. Его глаза в полумраке парковки казались совершенно черными, а на челюсти всё ещё гуляли жесткие желваки.

— Молча, Беркут, — глухо отрезал он, наклоняясь к самому салону. — Просто не держайся. Я сам всё сделаю. Он опустился на одно колено прямо на холодный бетон парковки, по-прежнему крепко удерживая меня. — Хватайся за торпеду, — скомандовал он. Голос звучал ровно, без недавней злости, но все еще сухо. — Левую ногу вытяни вперед. Не вздумай ей упираться.

Я послушно вцепилась пальцами в кожаный выступ передней панели салона. Кайден действовал на удивление аккуратно. Он плавно опустил меня на низкое кресло боком, а затем бережно перехватил мою левую ногу, помогая занести её внутрь и вытянуть вдоль узкого пространства, чтобы я случайно не задела жестким пластиком высокий порог машины. Когда всё закончилось, я тяжело откинулась на спину. Сердце колотилось где-то в горле, а лодыжка отозвалась глухой, но вполне терпимой пульсацией. Кайден не ушел сразу. Он остался стоять в проеме, нависая над открытой дверью. В полумраке паркинга его платиновые волосы казались блеклыми. Он молча протянул руку вперед, перехватил тяжелую ленту ремня безопасности и резко потянул ее вниз. Его лицо на секунду оказалось в опасной близости от моего. Я замерла, перестав дышать и уставившись в его потемневшие глаза океанского оттенка. Металлическая защелка ремня с громким щелчком встала в паз у моего бедра.

— Сиди тихо, — коротко бросил он. Кайден резко потянул дверь-крыло вниз, и она с глухим, герметичным стуком захлопнулась, полностью отрезая меня от внешнего мира. В салоне воцарилась абсолютная, звенящая тишина, пахнувшая дорогой кожей и его терпким парфюмом. Через лобовое стекло я видела, как он быстрыми, размашистыми шагами обошёл машину спереди, открыл водительскую дверь и уверенно скользнул на свое сиденье.

Кайден протянул руку к приборной панели и нажал на кнопку старта. Мощный спортивный двигатель ожил с глубоким, утробным рыком, который раскатистым эхом ударил по бетонным стенам подземного паркинга. По кузову «Ламборгини» пробежала едва заметная вибрация.

Он плавно переключил передачу, и машина мягко тронулась с места, направляясь к выезду. В салоне, изолированном от внешнего мира, воцарилась тишина, прерываемая лишь тихим урчанием мотора и шорохом шин по гладкому покрытию. Я упрямо смотрела в боковое стекло, наблюдая, как мимо пролетают серые бетонные колонны. Каждое движение машины отдавалось легким уколом в лодыжку, но я заставляла себя сидеть неподвижно.

Когда мы миновали шлагбаум и выкатились на залитые дождем улицы Бостона, я не выдержала. Мысль о том, куда именно меня везут, не давала покоя.

— Твоя девушка не будет против? — нарушила я молчание, стараясь, чтобы голос звучал как можно более равнодушно.

Кайден даже не повернул головы. Его большие ладони уверенно лежали на кожаном руле, а взгляд был сосредоточен на дороге.

— Пропротив чего именно? — ровно спросил он.

— Против того, что какая-то левая девчонка будет жить с тобой под одной крышей ближайшие недели, — я скосила на него взгляд, пытаюсь уловить хоть какую-то эмоцию на его безупречном профиле.

На мгновение в салоне снова стало тихо. А затем на губах Кайдена промелькнула та самая ленивая, самодовольная ухмылка. Он плавно притормозил на светофоре и наконец повернул ко мне голову. Его темно-голубые глаза блеснули в полумраке салона с явным превосходством.

— Беспокоишься о моей личной жизни, Беркут? — подразнил он, слегка приподняв бровь. — Не переживай. Та, о ком ты думаешь, точно не будет против. Мои секреты обычно остаются при мне, а те, кто находится рядом, не задают лишних вопросов.

Я нахмурилась, переваривая его ответ. Он ведь так и не сказал прямо, есть ли у него кто-то. Не подтвердил и не опроверг. Просто оставил этот вопрос подвешенным в воздухе, намеренно выстроив вокруг себя глухую стену. И этот его уход от прямого ответа задел меня куда сильнее, чем если бы он просто посмеялся.

— Очень удобно, Грэм, — сухо отрезала я, уставившись на мигающий цифровой спидометр.

— Жаль, — тихо хмыкнул он, нажимая на газ, и машина плавно рванула вперед. — А я уже почти поверил, что тебе действительно интересно узнать обо мне побольше.

— Ха-ха, очень смешно, — ядовито процедила я и демонстративно отвернулась к окну. — Прямо разрываюсь от любопытства.

Кайден тихо хмыкнул. Он явно получал удовольствие от того, как легко выводил меня из себя.

— Зубки режутся, Беркут? Это хорошо, — лениво отозвался он, плавно перестраиваясь в левый ряд. — Значит, жить будешь. А то в больнице ты выглядела так, будто тебя проще закопать.

— Мои зубы в полном порядке, Грэм. Так что не надейся, что я буду молчать все эти недели.

Парень скользнул по мне коротким взглядом и вдруг лениво перехватил руль одной рукой:

— Кстати, а где твой парень? Почему он не пришел проведать тебя в больницу? Испугался моих адвокатов или его просто не существует?

Вопрос был ехидным, но я даже не моргнула.

— Он умер, — ровным, сухим голосом ответила я.

Кайден от неожиданности резко осадил машину назад, жестко ударив по тормозам. Ламборгини ощутимо клюнула носом, а ремни безопасности мгновенно врезались мне в плечи. Он повернул ко мне голову, и в его глазах впервые за всё время промелькнуло подлинное, секундное замешательство.

В салоне повисла тяжелая, звенящая тишина. Кайден уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но я не дала ему вставить ни слова:

— ...Пять лет назад, Грэм. От старости. Это был мой хомяк. Так что закрой рот и засунь свое сочувствие обратно. У меня никогда не было парня, и уж точно не тебе лезть в мою личную жизнь, раз своя заперта на замок.

Несколько секунд он просто смотрел на меня. Затем челюсть Кайдена жестко сжалась, а на скулах отчетливо проступили желваки. До него наконец дошло, что я просто зло над ним поиздевалась, поймав на крючок чужой вины.

Он молча, с силой выжал газ, и Ламборгини с яростным рыком сорвалась с места.

После истории с хомяком Кайден молчал до самого выезда из города. Стрелка спидометра лениво ползла вверх, пока Ламборгини уверенно наматывала мили по загородному шоссе. Я смотрела, как тяжелые капли октябрьского дождя разбиваются о лобовое стекло, и пыталась унять внутреннюю дрожь. Впереди, среди густых крон полуголых деревьев, уже начали вырисовываться очертания элитного закрытого посёлка, где располагалось охраняемое родовое гнездо Грэмов.

— На выходных ты едешь с нами, — низкий голос Кайдена нарушил тишину так внезапно, что я вздрогнула.

— Куда еще? — я раздраженно повернула к нему голову. — Мне казалось, этого огромного дома, где ты обретаешься с предками, мне должно хватить с головой на всё время реабилитации.

— На выходные родители уезжают в наше загородное поместье в Нью-Гэмпшире, — Кайден даже не взглянул на меня, плавно поворачивая руль. — И отец настаивает, чтобы ты была там. С нами. Вся семья в сборе, включая Леона и пострадавшую сторону. Внутри всё сжалось от подступившей неловкости.

Одно дело — тихо отлеживаться в комнате этого огромного дома, стараясь лишний раз не пересекаться с его домашними, и совсем другое — тащиться со всей этой элитной династией на их уединенный загородный отдых, изображая покорную жертву.

— Грэм, это плохая идея, — тихо произнесла я, сильнее вжимаясь в кожаное сиденье. — Твой отец и так сделал для меня слишком много, оплатив эту клинику. Но ехать с вашей семьей за город Я буду там абсолютно чужой. Зачем мистеру Грэму лишняя обуза на выходных?

Кайден коротко хмыкнул, заворачивая на массивную, идеально ухоженную подъездную дорожку, которая вела к гигантскому, подавляющему своими масштабами особняку. Он заглушил мотор, и в салоне воцарилась тишина. На его губах снова заиграла едва заметная, ленивая ухмылка.

— Отец просто не считает тебя обузой, Беркут, — ровно ответил он, отстегивая ремень безопасности. — Если он что-то решил, спорить бесполезно, ты же вчера сама это поняла. Он просто хочет, чтобы ты сменила обстановку и нормально отдохнула на свежем воздухе. Так что расслабься и веди себя прилично. А пока — добро пожаловать.

Глава 5

— М-мм... спасибо, — невнятно пробормотала я.

Кайден кивнул, обошел машину и без лишних слов подхватил меня на руки. В тот же миг внутри что-то дрогнуло. Оказаться так близко и чувствовать его тепло после ледяного ливня снаружи было пугающе уютно. Я уткнулась носом в его плечо, стараясь не смотреть на парня, и едва слышно добавила, пытаясь сбить неловкость привычной шпилькой:

— Если ты продолжишь так меня носить, я ведь могу и привыкнуть...

Кайден на секунду замер. Его пальцы на моей спине ощутимо напряглись. Он наклонился ближе, заставляя встретиться с его ледяным взглядом, и сухо, с явным раздражением отчеканил:

— Еще хоть слово, Беркут, и я скину тебя прямо здесь. Я не шучу.

Я лишь крепче вцепилась в его толстовку — отчасти из вредности, отчасти чтобы случайно не улететь рыбкой в мокрую траву.

Мы поднимались по широким каменным ступеням крыльца под навес, спасавший от дождя. Я не выдержала и огляделась, ошеломленная масштабами родового гнезда. Вокруг особняка раскинулся гигантский, безупречно ухоженный сад. Под ровными струями октябрьского ливня тускло поблескивали кусты роз, чьи бутоны уже клонились к земле от холода. Чуть дальше, за живой изгородью, виднелась гладкая темно-синяя поверхность огромного открытого бассейна, накрытого плотным защитным тентом. Весь этот пейзаж буквально дышал огромными деньгами.

Кайден толкнул тяжелую дубовую дверь, и мы оказались в холле. Я ожидала увидеть что-то холодное и вычурное, но реальность ошеломила. Пространство было залито приглушенным золотистым светом. Всё здесь — от зеркального полированного пола до уходящих ввысь потолков — свидетельствовало о богатстве, к которому хозяева привыкли с рождения.

У подножия широкой лестницы стояли двое. Артура Грэма я уже видела в больнице — суровый, поджарый, он замер, заложив руки за спину. Настоящий хозяин этого места. А рядом с ним находилась женщина с добрыми ореховыми глазами. В своем мягком кашемировом кардигане она выглядела не как холодная леди из высшего общества, а как живой, сочувствующий человек.

— Господи, Кайден, наконец-то, — выдохнула она, прижимая ладонь к груди. В её голосе было столько искренней тревоги, что я невольно сжалась. — Бедная девочка...

Кайден перехватил меня поудобнее. На его фоне я чувствовала себя сорняком, который случайно занесли в этот стерильный рай.

— Амалия, — Артур сделал шаг вперед. Голос у него был такой же глубокий и властный, как вчера в палате. — Прошу прощения за этот инцидент. Мой сын иногда бывает непроходимым идиотом, но мы сделаем всё, чтобы вы поправились. Теперь наш дом в вашем распоряжении.

— Добро пожаловать, милая. Я Элеонора, — она подошла ближе и почти невесомо коснулась моей руки. — Ты такая бледная... Кайден, не стой столбом, неси её в спальню. Девочке нужно умыться, согреться и обязательно поесть.

При слове «поесть» мой предательский желудок, который за весь день видел только дешёвый больничный чай, издал такой громкий, затяжной и жалобный звук, что он буквально провибрировал сквозь грудную клетку Кайдена. Я замерла, готовая провалиться сквозь этот зеркальный пол от стыда.

Кайден тоже замер. По его телу прошла короткая судорога — он из последних сил сдерживал смех. Его взгляд опустился к моему лицу, и в льдисто-голубых глазах впервые промелькнуло живое, веселое любопытство.

— Слышали? — он хмыкнул, и его голос прозвучал непривычно низко, прямо над моим ухом. — Она сейчас съест меня, если мы не поторопимся.

Элеонора всплеснула руками, а Артур лишь едва заметно усмехнулся одними уголками губ.

— Артур, скажи на кухне, пусть немедленно приготовят легкий бульон и телячьи отбивные. И чай с медом! — Элеонора засуетилась, на ходу отдавая распоряжения.

— Мам, сначала ей нужно в душ, — бросил Кайден, уже поднимаясь по лестнице.

Когда мы миновали первый пролет и голоса родителей немного стихли, он наклонился ближе. Его теплое дыхание коснулось моего уха, но слова прозвучали с привычной ехидной издевкой:

— И кстати, Беркут... Душ — это в первую очередь. От тебя сейчас за версту пахнет больничным антисептиком.

Я вспыхнула от возмущения и парировала:

— От тебя пахнет не лучше! Высокомерием и наглостью.

— Ну да, зато это мой естественный парфюм, привыкай, — лениво отозвался он.

Я инстинктивно сильнее вцепилась в его плечи, решив проигнорировать этот выпад. В наступившей тишине я отчетливо слышала, как ровно и уверенно бьется его сердце. Изнутри особняк Грэмов казался еще монументальнее: повсюду висели картины, громоздкие напольные вазы отражали мягкий, теплый свет, а коридоры казались бесконечными.

Он занес меня в ванную — просторную, ослепительно чистую и пахнущую чем-то свежим. Кайден осторожно опустил меня на закрытую крышку унитаза и придержал за плечи, помогая сохранить равновесие.

— Так, сиди здесь. Сейчас найду, чем замотать твой фиксатор, чтобы не намочить, — буркнул он, копаясь в шкафчиках. Сказал так, будто я на своей единственной здоровой ноге могла куда-то сбежать.

Я фыркнула, но осталась сидеть, вцепившись пальцами в край сиденья. Взгляд упал на мои босые ноги: одна тонкая, беззащитная, а вторая — закованная в тяжелый черный ортез. И тут меня накрыло. Весь этот бесконечный, кошмарный день, авария, мать, которой на меня плевать, и то, что я осталась совсем одна в этом чужом, пугающе огромном доме, ударило разом. Защитная броня треснула. Я закрыла лицо руками и беспомощно разрыдалась.

Кайден резко обернулся, выронив какой-то флакон. В его голосе впервые прорезалась настоящая паника:

— Ты чего? Болит? Сильно? Нога?

Он в два шага оказался рядом и опустил на колени прямо передо мной, на холодный мраморный пол. Его руки хаотично задвигались в воздухе — он явно не решался коснуться меня.

— Эй, ну... ну не плачь, пожалуйста, — его голос сорвался, став непривычно мягким и совершенно растерянным. — Боже, что мне делать? Позвать маму? Врача? Только не реви, слышишь?

Я зарыдала еще сильнее. Я не могла объяснить ему, что плачу вовсе не от физической боли, а от того, что совершенно чужие люди предлагают мне еду и помощь, пока родная мать просто вычеркнула меня из жизни.

— Пожалуйста, — прошептал он, и в этом слове было столько отчаяния, что я невольно притихла. — Ты же только что называла меня ублюдком, была такая колючая... Где та Беркут? Вернись, я даже готов еще раз послушать, какой я козел, только не плачь. Боже, я понятия не имею, что делать с плачущими девчонками!

Он неуклюже, самыми кончиками пальцев коснулся моего колена, а после осторожно провел ладонью по моим мокрым от дождя волосам.

— Твои родители... — выдавила я, шмыгая носом. — Они... слишком нормальные. Это бесит.

— И из-за этого ты плачешь? — он облегченно выдохнул, и на его губах появилась слабая улыбка. — Ты странная, Беркут. Очень странная.

В этот момент дверь приоткрылась, и на пороге появилась Элеонора с чистым полотенцем и вещами. Заметив мои заплаканные глаза и растерянного сына на коленях, она строго нахмурила брови:

— Кайден! Ты опять что-то ей сказал? Ты её обидел?

— Да ничего я не говорил! — он аж подскочил на месте, мгновенно натягивая привычную маску раздражения. — Она сама! Я просто её посадил, а она как разревелась...

— Выйди, — Элеонора мягко, но твердо указала сыну на дверь. — Посмотри на себя, ты только напугал бедную девочку своей суетой. Иди проверь, готов ли ужин, а мы тут сами разберемся.

Кайден бросил на меня последний виноватый взгляд, пробормотал что-то вроде «да я же просто помочь хотел» и быстро скрылся в коридоре. Элеонора подошла ближе и тепло улыбнулась:

— Не обращай внимания, милая. Он совершенно не умеет справляться с женскими слезами. Она присела на край мраморной ванны рядом со мной и накрыла мою ладонь своей. Её кожа была теплой и пахла дорогим цветочным кремом

. — Послушай меня, — тихо начала она, и в её глазах я увидела столько искреннего сочувствия, что комок в горле снова помешал дышать. — Артур рассказал мне, что произошло. И про твою маму тоже. Мне очень, очень жаль, что тебе пришлось через это пройти. Но не переживай. Теперь ты здесь, и никто тебя больше не обидит. Пожалуйста, чувствуй себя как дома. Ты ни в чем не виновата, и мы правда хотим тебе помочь. Она мягко сжала мои пальцы, давая понять, что это не просто дежурная вежливость.

— Вот здесь шампуни, — Элеонора указала на аккуратные флаконы в нише, — бальзам и гель. Всё натуральное, гипоаллергенное. Я оставлю одежду на столике — это старый спортивный костюм Кайдена, который он носил еще в школе. Он хлопковый и свободный, тебе будет удобно в нем с фиксатором. Она поднялась, ласково погладила меня по плечу и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Я осталась в тишине, пытаюсь осознать случившееся: меня не вышвыривали на улицу, а кутали в заботу, которой я никогда прежде не знала. Прошло около двух минут. Я как раз собиралась дотянуться до вещей, как дверь снова тихо отворилась.

На пороге опять стоял Кайден — уже без матери, но с рулоном пищевой пленки и скотчем в руках. Вид у него был решительный и всё еще слегка дерганый. Он явно дождался, пока Элеонора уйдет на кухню. Не говоря ни слова, он подошел и снова опустился на колени прямо передо мной. Я замерла, до белизны костяшек вцепившись пальцами в край сиденья. Кайден действовал быстро и сосредоточенно: осторожно обхватил мою лодыжку, приподнял её и начал аккуратно, слой за слоем, обматывать черный ортез. От этих мимолётных прикосновений по спине бежали колющие искры. Он делал свою работу так тщательно, будто от сухости этого куска пластика зависела его собственная жизнь. Закончив и закрепив край пленки, он наконец поднялся во весь рост и оценивающе окинул взглядом душевую зону.

— Сама ты туда нормально не зайдешь, — негромко произнес он, кивая на прозрачное ограждение.

Кайден сделал шаг ближе и одним слитным, пугающе уверенным движением подхватил меня на руки вместе со спортивным костюмом. Я инстинктивно вцепилась в его плечи, чувствуя жар, исходящий от его тела. Он занес меня за стеклянную перегородку и осторожно опустил на небольшой деревянный табурет у стены.

— Буду через... двадцать минут, — бросил он, и его голос прозвучал непривычно хрипло. — Если услышу хоть один подозрительный звук — ворвусь без предупреждения.

Когда за ним защелкнулась дубовая дверь ванной, я осталась в абсолютной, звенящей тишине. Одиночество в этом роскошном пространстве, залитом мягким золотистым светом, больше не пугало — оно обволакивало. Я дотянулась до панели на стене и нажала кнопку пуска. Из встроенного в потолок тропического душа мгновенно хлынули почти обжигающие, плотные струи, заполняя комнату густым, влажным паром.

Я зажмурилась, жадно вдыхая цитрусовый запах геля. Чтобы смыть с себя грязь парковки и липкий ужас этого бесконечного дня, мне пришлось аккуратно подняться с деревянного табурета прямо под потоки воды, балансируя на одной ноге. Было чертовски приятно чувствовать, как горячий искусственный водопад хлещет по плечам, смывая боль. Время словно замедлилось. Мне казалось, что я провела здесь целую вечность, согреваясь и пытаюсь представить, что всё случившееся — лишь кошмар.

Внезапно сквозь ровный гул тропического дождя прорвался настойчивый, тяжелый стук в массивную дверь ванной.

— Беркут? Ты там жива? — реплика Кайдена прозвучала приглушенно, но в ней отчетливо слышалось нарастающее, нервное раздражение. — Прошло больше двадцати минут. Я принес мази и обезболивающее, оставил на тумбе.

От неожиданности я вздрогнула. По лицу хлестала вода, а в голове панически забились мысль, что я стою здесь абсолютно беспомощная и голая, а стекло душевой кабины хоть и запотело от пара, но всё еще частично просматривалось.

— Я вхожу! — предупредил он, окончательно потеряв терпение и не думая дожидаться приглашения.

— Стой! — крикнула я, но мой сорванный голос утонул в шуме воды.

Замок щелкнул. В ванную ворвался Кайден и резко остановился. Сквозь пелену пара и залитое каплями неподвижное стекло перегородки я увидела, как его застывший взгляд медленно, по-хозяйски прошелся по моему силуэту. В панике я попыталась инстинктивно прикрыться руками, совершенно забыв, в каком шатком положении нахожусь. Это импульсивное движение стало роковой ошибкой — я потеряла баланс и всем весом наступила на больную ногу.

В глазах мгновенно полыхнуло слепящим белым светом. Лодыжку прошила адская вспышка боли. Мокрый, залитый мыльной пеной кафель ушел из-под ног.

Я начала заваливаться вперед, теряя равновесие. Приготовившись встретиться лицом с жестким мрамором, я инстинктивно зажмурилась, но удара не последовало. Вместо холодного пола я почувствовала на своей талии сильные, обжигающе горячие ладони.

Кайден в один прыжок преодолел расстояние, мгновенно обогнул стеклянную перегородку и подхватил меня за секунду до падения. Он ворвался в душевую зону прямо в одежде и кроссовках — туда, где всю продолжал хлестать плотный поток горячей воды. Тяжелые струи тут же ударили ему в лицо, черное худи мгновенно намокло, облепив мощные мышцы груди и плеч, а я — обнаженная, тяжело дышащая от испуга — намертво вцепилась в его шею.

Кайден с силой впечатал меня спиной в мокрую плитку стены, надежно фиксируя мое тело своим. Контраст между грубой, облепившей его тело тканью джинсов и моей влажной, обнаженной кожей был настолько острым, что у меня перехватило дыхание. Мы оказались прижаты друг к другу так плотно, что между нами невозможно было просунуть и ладонь.

Мы замерли. Вода хлестала по нам обоим, стекая по его подбородку прямо мне на ключицы. Я отчетливо слышала, как его сердце бешено, оглушительно колотится прямо мне в висок. Парень резко тряхнул головой, отбрасывая со лба мокрые платиновые пряди, и зло посмотрел на меня сверху вниз.

— Так и знал, что ты ведьма, Беркут. Какого черта ты моешься в кипятке? — прорычал он мне в самые губы, тяжело и прерывисто дыша. Вода заливала ему глаза, а его парфюм, сме-

шавшись с запахом цитруса и мокрого хлопка, действовал удушающе. — У меня кожа сейчас слезет! Совсем придурочная?

Я заставила себя посмотреть в его потемневшие, почти черные от адреналина глаза. Пульс стучал в ушах, но упрямая гордость и злость сработали быстрее страха.

— Так и знала, что ты глухой! — огрызнулась я, чувствуя, как мои голые бедра тесно переплетены с его намокшими джинсами, а от каждого его вдоха его грудь жестко вжимается в мою. — Я же крикнула — не входить!

Кайден не отстранился. Напротив, его ладони на моей талии сжались еще крепче, пальцы почти до боли впились в кожу, удерживая меня на весу. На его губах медленно, тягуче расплылась та самая наглая, порочная ухмылка, от которой внутри всё переворачивалось. Его взгляд беспардонно, медленно опустился ниже, задерживаясь на моей обнаженной груди, с которой вода смывала остатки мыльной пены, а затем снова вернулся к моим глазам. В этом взгляде уже не было ленивого раздражения — только чистое, хищное мужское внимание.

— Знаешь, — протянул он, игнорируя потоки воды, заливающие ему за шиворот. — Глядя на общую картину... я так и знал, что у тебя зачетная грудь.

Мир на секунду остановился. Лицо вспыхнуло жарче, чем вода в душе. Наглец. У него ведь есть девушка — мы только что обсуждали правила его личной жизни в машине! И как он после этого смеет так открыто, жадно меня разглядывать?

Но вместо того, чтобы смущенно закрыться или расплакаться, я ощутила, как по венам пробежал электрический разряд чистой, азартной ярости. Опустив взгляд ниже его пояса, туда, где мокрая, обтянувшая тело ткань слишком отчетливо и бескомпромиссно выдавала спонтанную мужскую физиологию, я вызывающе вскинула бровь. Чистая реакция тела на голую девочку в упор, против природы не пойдешь — и это был мой самый сильный козырь, чтобы сбить с него эту спесь.

— Хм. А я и не знала, Грэм, что ты носишь с собой в душ пистолет, — я опалила его лицо ядовитым выдохом. — Давно он там?

Ухмылка Кайдена мгновенно дрогнула. Я физически почувствовала, как всё его тело под моими пальцами окаменело. Зрачки расширились, полностью затопив льдистую радужку, а дыхание перехватило. Тишина в ванной стала такой густой, что её можно было резать ножом. Слышны были только шум воды и наши пульсы, стучащие в сумасшедшем, одном на двоих ритме. Он смотрел на мои губы так, словно едва сдерживался, чтобы не заткнуть меня жестким поцелуем.

— Ведьма, — выдохнул он прямо мне в рот, и в этом низком, вибрирующем звуке не было злости. Только дикое, концентрированное сексуальное напряжение.

Он первым не выдержал этого удушающего, интимного контакта. Кайден резко, вслепую ударил ладонью по сенсорной панели на стене. Шум тропического душа мгновенно оборвался, оставив нас в оглушительной, звенящей тишине, нарушаемой лишь нашим тяжелым, рваным дыханием и редким, тяжелым стуком капель, падающих с потолка на наши переплетенные тела.

Кайден осторожно отстранился, бережно вынося меня из душевой зоны. Его мокрые джинсы неприятно липли к моим ногам, но парень даже не поморщился. Он опустил меня на мягкий коврик перед раковиной, надежно придерживая за талию, пока я не убедилась, что твердо стою на одной ноге. Сорвав со змеевика огромное пушистое полотенце, он резким движением накинул его мне на плечи и с силой укутал, превращая в плотный кокон, скрывающий всё — от шеи до колен.

На секунду его лицо снова оказалось совсем близко. С его мокрых ресниц мне на щеку упала прохладная капля, заставив вздрогнуть.

— Одевайся. Через пять минут приду, — коротко бросил он.

Его голос мгновенно вернул себе прежнюю холодность, будто секунду назад между нами не плавился воздух. Кайден развернулся и вышел из ванной, оставив за собой цепочку мокрых следов от кроссовок.

Дверь закрылась, а я так и осталась стоять на коврике, намертво зажатая в полотенце, как в смиренной рубашке. Сердце колотилось в ребра с такой бешеной силой, что этот стук, казалось, эхом разносился по стенам.

Какого чёрта это сейчас было? У него есть постоянная девушка, он меня откровенно презирает, но при этом смотрит так, словно готов сожрать прямо здесь.

Я зажмурилась, пытаюсь вытряхнуть из головы наваждение, но кожа до сих пор горела. Элитная горилла. Наглый, самоуверенный придурок. Я злилась на него, но ещё сильнее — на саму себя и на собственное предательское тело. Потому что, как бы я ни пыталась язвить, реальность была куда более приземленной и крышесносной: я слишком отчетливо почувствовала его жесткую, однозначную реакцию прямо у себя на бедрах. Мокрая ткань джинсов вообще ничего не скрывала. И от мысли, что этот ледяной принц университета так среагировал на меня, по затылку прокатилась волна колючего холода.

«Так, Беркут, соберись, — приказала я себе, делая глубокий вдох. — У него просто сработали инстинкты, а у тебя от стресса поехала крыша. Срочно натягивай штаны, пока этот маньяк не вернулся».

Кое-как балансируя на одной ноге и мысленно проклиная скользкий кафель, я принялась выпутываться из полотенца.

Я отчаянно пыталась натянуть эти дурацкие штаны, но согнуть ногу в ортезе оказалось невыполнимой миссией. Спортивные брюки Кайдена были заужены к низу, и плотная манжета намертво застряла в самом начале, зацепившись за громоздкий пластик ортеза в районе пятки. Я балансировала на одной опорной ноге, рискуя снова улететь на пол, как вдруг дверь в очередной раз бесцеремонно распахнулась.

На пороге вырос Кайден. Пять минут, конечно же, еще не прошли. Он уже успел скинуть мокрые вещи и теперь стоял, обнаженный по пояс, в одних лишь чистых спортивных брюках. С его влажных волос на широкие плечи стекали редкие капли, очерчивая рельеф пресса, но мой взгляд против воли упал ниже. Плотная ткань его штанов слишком четко выдавала то, что его реакция так никуда и не делась. Я шумно слотнула, чувствуя, как в горле моментально пересохло.

— Да какого чёрта?! — заорала я, судорожно дергая застрявшую ткань. — Из какого танка тебя переехал этикет, Грэм?!

Хорошо хоть огромную хлопковую футболку я успела натянуть до того, как он ворвался. Она доходила мне почти до середины бедра, надежно скрывая всё самое важное, но положение всё равно оставалось максимально нелепым.

Кайден даже не подумал извиниться. Он окинул скучающим взглядом мою застрявшую ногу, мою злую, пунцовую физиономию и лишь раздраженно вздохнул, делая шаг вперед.

Сократив расстояние между нами до минимума, он молча опустил передо мной на одно колено, и воздух в ванной мгновенно наэлектризовался. Его большие, горячие ладони обхватили мою лодыжку чуть выше ортеза. Кожа к коже. От этого простого прикосновения у меня внутри всё скрутилось в тугий узел.

Кайден действовал сосредоточенно: аккуратно расправил плотный хлопок, помог просунуть ногу в штанину, бережно перетягивая застрявшую манжету через громоздкий фиксатор, а затем медленно повел ткань вверх. Пока он возился, его пальцы то и дело обжигали мои бедра, а я стояла, мертвой хваткой держась за край раковины и стараясь не выдать своего прерывистого дыхания.

Затянув шнурок у меня на талии, Кайден не отстранился. Он осторожно подхватил меня под бедра и снова посадил на закрытую крышку унитаза. Опустившись перед моими ногами,

парень принялся аккуратно поддевать пальцами слои пищевой пленки, срезая скотч и помогая распутать этот кокон.

Я сидела неподвижно, боясь даже вздохнуть, но мои глаза словно примагнитило к одной точке. Я снова уставилась на его отчетливый, твердый стояк, который теперь находился практически на уровне моего лица, отделенный от меня лишь парой сантиметров ткани. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая все остальные звуки.

Кайден резко замер. Он перестал разматывать пленку, медленно поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. Его зрачки были расширены до предела, почти поглотив льдистую радужку, а дыхание оставалось тяжелым и рваным.

— Не смотри на меня так, — негромко, с глухим рокотом выдохнул он, и в его голосе зазвенело чистейшее, концентрированное напряжение. — Если ты не собираешься с этим ничего делать, Беркут, то просто выбери другую точку.

Пространство между нами сжалось до предела, превращаясь в пороховую бочку. Сдаться и капитулировать перед этим заносчивым индюком? Ну уж нет, не дождется.

Я заставила себя медленно, подчеркнуто плавно перевести взгляд от его паха обратно к его лицу. Прямо в эти штормовые глаза. На моих губах сама собой появилась фальшивая, вызывающе приторная улыбка.

— А я и не смотрю, Грэм, — вкрадчиво, почти шепотом произнесла я, чуть подавшись вперед. — Просто не переживай ты так. Я уверена, что у золотого мальчика найдется целая очередь из девчонок, готовых прямо сейчас помочь тебе решить эту маленькую или не очень маленькую проблему. Так что не отвлекайся и продолжай работу.

Кайден резко выдохнул через нос. На секунду мне показалось, что его пальцы сейчас проломают пластик ортеза. На его шее отчетливо запульсировала жилка — моя шпилька попала точно в цель. Он явно не ожидал, что я так нагло ударю по его мужскому самолюбию.

— Язык прикуси, Беркут, — хрипло выдохнул он, и в его голосе прорезались опасные, глухие нотки. — А то я ведь могу забыть, что обещал быть хорошим мальчиком.

Одним слитным, мощным движением он поднялся во весь рост, сорвал последние слои пленки и без предупреждения подхватил меня на руки. Я инстинктивно обхватила его за шею, чувствуя, как его горячая обнаженная грудь вжалась в мою грудь сквозь тонкую футболку.

Кайден толкнул дверь плечом и уверенно зашагал по коридору в сторону лестницы. Тонкий трикотаж моих домашних брюк практически не казался барьером. И как раз когда мы начали спускаться по широким ступеням, парень вдруг замедлил шаг. Он чуть крепче, собственнически перехватил меня под бедрами, наклонил голову к моему уху и едва заметно хмыкнул. На его лицо вернулась та самая наглая, порочная ухмылка.

— Раз уж ты так печешься о моей проблеме... — негромко, обжигая дыханием шею, протянул он. — Тебе не кажется, что спускаться к моим родителям на ужин без нижнего белья — это слишком жестоко по отношению ко мне? Я ведь, черт возьми, чувствую каждым сантиметром кожи, что под этими штанами у тебя ничего нет.

Я замерла. Волна жаркого бесстыдства моментально залила шею и лицо. Черт. Из-за всей этой суматохи с падением в душе я действительно натянула брюки прямо на голое тело. Но вместо того, чтобы смущенно замолчать и дать ему насладиться победой, я решила перевернуть игру.

Моя ладонь, лежавшая на его плече, медленно скользнула вниз, на его грудь. Острый кончик моего ногтя с легким, тягучим нажимом прочертил медленную дорожку от его ключицы, через упругую рельефную мышцу прямо к ребрам. Я физически почувствовала, как под моим прикосновением тело Кайдена мгновенно окаменело, а его грудная клетка судорожно дернулась, сбивая вдох.

Я заглянула в его потемневшие, ошарашенные глаза и вкрадчиво, почти нежно прошептала ему прямо в губы:

— Ой, какая трагедия, Грэм. Считай это тестом на выносливость. Держи себя в руках, ладно? Будет очень неловко, если твоей маме посреди ужина придется объяснять, почему у ее идеального сына внезапно по швам трещат домашние брюки. Так что неси меня молча и постарайся не споткнуться.

Челюсть Кайдена жестко сжалась. Несколько секунд он просто сверлил меня потемневшим, диким взглядом, словно взвешивал риски сорвать с меня эти штаны прямо на ступеньках. Наконец он хрипло, опасно рассмеялся, и эта низкая вибрация его тела отозвалась сладкой судорогой где-то у меня внизу живота.

— Молчу-молчу, Беркут, — выдохнул он, ускоряя шаг. — Но учти, аппетит ты мне уже испортила. Придется тебе очень долго и усердно это отрабатывать.

С этими словами он преодолел последние ступени, ведя меня прямо в столовую навстречу семейному ужину.

Кайден уверенно занес меня в просторную, залитую теплым светом комнату. Посреди нее стоял массивный стол, который буквально ломился от еды: в воздухе плыл умопомрачительный аромат наваристого бульона и сочных отбивных. За столом уже сидел Артур Грэм, листая что-то в планшете, а Элеонора как раз поправляла салфетки.

Увидев нас, она тут же засуетилась: — Ох, ну наконец-то! Присаживайтесь скорее, пока всё окончательно не остыло.

Кайден осторожно приземлил меня на мягкий стул с высокой спинкой, помог поудобнее пристроить больную ногу в ортезе и сам сел напротив. Я изо всех сил старалась держать лицо кирпичом, хотя кожа до сих пор горела после нашей пикировки на лестнице. Элеонора подошла ближе, собираясь налить мне горячего чая, но вдруг замерла. Она принялась, удивленно переводя взгляд с меня на Кайдена, который как раз потянулся к графину с водой.

— Как странно — Элеонора нахмурила идеальные брови и наклонила голову. — Кайден, Амалия Почему от вас обоих так сильно пахнет моим апельсиновым гелем для душа? И почему ты весь влажный, сын? Вы что мылись вместе?

Мир вокруг меня, кажется, просто рухнул. Кайден, который только что сделал солидный глоток, оглушительно поперхнулся. Вода пошла не в то горло, он закашлялся, экстренно прикрывая рот ладонью, а его уши и шея моментально залились густой краской. Артур Грэм медленно опустил планшет на стол и поднял на нас тяжелый, пронзительный взгляд, в котором читалось слишком много неудобных вопросов.

Я замерла со сжатыми кулаками под столом, понимая, что мы на грани полной катастрофы.

Но Кайден на удивление быстро вернул себе самообладание. Кашлянув напоследок, он заставил свое лицо принять абсолютно бесстрастное выражение. Он спокойно отодвинул свой стул, посмотрел прямо на мать и будничным, слегка раздраженным тоном бросил:

— Потому что у меня мой закончился. Пришлось зайти в твою ванную и взять этот твой апельсиновый. Мам, не делай из этого драму, ладно? Я куплю и верну.

Элеонора на секунду зависла, а потом всплеснула руками и беззлобно рассмеялась:

— Господи, Кайден! Тебе тяжело сказать мне, чтобы я заказала новый? Вечно ты таскаешь мою косметику. Амалия, милая, извини его, этот эгоист наверняка извёл всю бутылку, так что на весь коридор разит. Налегай лучше на бульон, пока горячий.

Артур Грэм лишь понимающе качнул головой и вернулся к своему планшету. Напряжение в столовой мгновенно спало — родители полностью поверили в эту чепуху.

Я опустила глаза и потянулась к ложке, но краем глаза заметила, как Кайден смотрит на меня из-под своих золотистых прядей. На его губах играла едва заметная, торжествующая и невероятно порочная ухмылка. Он прекрасно понимал, что мы только что прошли по краю, но этот общий пикантный секрет теперь связывал нас сильнее любых обязательств. Я слишком

отчетливо помнила, что именно скрывала ткань его штанов всего несколько минут назад, и этот апельсиновый аромат теперь казался мне самым опасным и манящим запахом на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.